

ІОАННЪ ВИШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

(Іван Вишенський і його твори. Написав др. Іван Франко [докторская диссертация] Ціна 1 гульд. Львів. 1895. Стр. VII+536).

Вместо предисловія считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по адресу автора диссертациі—д-ра Ивана Франка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на почвѣ одинаковыхъ работъ по южно-русской литературѣ, послѣ чего между нами завязалась литературная дружба. Франко (который мнѣ позволитъ называть его такъ, не прибавляя всякой разъ ученаго титула „докторъ“ или „профессоръ“) привыкъ къ тому, что я не разъ бывало прибываю къ помощи его знаній, привыкъ слышать отъ меня лестные (и вполнѣ заслуженные) отзывы о его работахъ, и теперь, нѣть сомнѣнія, онъ будетъ очень и очень изумленъ слишкомъ рѣзкимъ моимъ отзывомъ о его послѣднемъ трудѣ; удивленіе его будетъ тѣмъ основательнѣе, что даже журналъ „Бесѣда“ (Львовскій), который издается людьми, не благоволящими къ Франку, встрѣтилъ его диссертaciю большими похвалами; такими же похвалами привѣтствовала Франка „Русская Мысль“ и „Ж. М. Н. П.“. Однако по настоящему Франко, какъ ревностный искатель и приверженецъ истины, не долженъ на меня сердиться и обижаться. Онъ долженъ помнить, во-первыхъ, что *amicus Plato, sed magis amica veritas* (т. е. наука), а во-вторыхъ—что именно чувство дружбы заставило меня вдаться въ очень детальный

разборъ его диссертациі и тщательно подчеркнуть въ ней слабыи мѣста. Второе, дополненное изданіе „Ивана Вышенскаго“, которое не заставитъ себя ждать (срв. обѣщаніе автора на стр. V и стр. 498), пусть считается со всевозможными возраженіями, пусть, если можетъ, опровергаетъ ихъ, пусть поддерживаетъ свои положенія новыми, ужъ неотразимыми аргументами, или пусть откажется отъ нихъ,—и тогда мы будемъ имѣть вполнѣ обработанное, продуманное изслѣдованіе, то, что называются „перль созданія“; при эрудиціи и талантѣ Франка мы вправѣ отъ него требовать этого. Самъ Франко говоритъ въ предисловіи (стр. V), что за каждое дополненіе, за каждую поправку онъ будетъ благодаренъ: надѣюсь, что и по отношенію ко мнѣ онъ не измѣнитъ своему обѣщанію. Рѣзкий тонъ моей рецензіи обусловленъ тѣмъ, что я вовсе не имѣю въ виду отмѣтить достоинства Франковской диссертациіи, а наоборотъ—имѣю въ виду собственно указать ея слабыи стороны.

Выписки, которыхъ мнѣ придется дѣлать изъ „правбираемой диссертациіи, я всегда буду предлагать въ русскомъ переводаѣ; малорусскія слова буду передавать въ транскрипціи, установленной въ Россіи.

„Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что некоторые общественные и литературные дѣятели, при своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событий были забыты“,—такъ говорить проф. Сумцовъ въ началѣ своей статьи о Вышенскомъ („Кіевская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 649). „Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдаетъ должное давно-прошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоценныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру. Южно-русскій писатель начала XVII в. Иоаннъ изъ Вышни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергі-

ческаго, умнѣго, образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія (съ 1865 г.) люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы".

Проф. Сумцовъ ошибался, думая, что только съ 1865-го г. началось знакомство русской публики съ Вышенскимъ. Въ 1848-мъ г. вышелъ въ Кіевѣ 1-ый т. „Памятниковъ, изданныхъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ“, где на стр. 248, въ „Совѣтованіи о благочестії“ упоминается имя „Іоанна, порекломъ Вышенскаго“. Въ томъ же 1848-мъ г. П. Строевъ, въ описаніи рукописей Царскаго (въ Москвѣ), сообщилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого Іоанна. Въ 1860-мъ году Галицкій ученый А. Петрушевичъ издалъ въ „Зорѣ Галицкой, яко альбумѣ на 1860-й годъ“ житіе Іова Княгиницкаго, извѣстнаго южно-русскаго аскета и друга Вышенскаго; это житіе содержитъ въ себѣ даныя и для біографіи Вышенскаго. Изданіе сочиненій нашего автора и изслѣдованія о немъ начались съ 1865-го г. и потомъ уже не прерывались, пока на конецъ въ 1895-мъ г. не вышла докторская (т. е. магистерская по-нашему) диссертациѣ Ивана Франка. Въ теченіе этого тридцатилѣтняго промежутка (1865—1895) занимались личностью и произведеніями Вышенскаго, или по крайней мѣрѣ обращали на него извѣстное вниманіе, такіе ученые, какъ Костомаровъ, Голубевъ, Соловьевъ, преосв. Макарій, преосв. Филаретъ, Кулишъ, Пыпинъ, Лебедевъ, Завитневичъ, Сумцовъ, Огоновскій, Игн. Житецкій (сынъ извѣстнаго филолога, который, впрочемъ, также кой-что сказалъ о Вышенскомъ), преосв. Порфирий (Успенскій) и Франко. Многіе изъ названныхъ изслѣдователей обращались къ Вышенскому не одинъ разъ (Франко также выступилъ впервые съ своею очень важною работою о Вышенскомъ еще 1889-мъ г.) Насколько можно подсчитать, о нашемъ писателѣ составлено до 25 и болѣе изслѣдованій, статей и замѣтокъ, такъ-что Франко имѣлъ полное право сказать (въ новѣйшемъ

своемъ трудѣ), что Ивану Вышенскому, забытому съ 1621-го года, уцѣлѣвшему до нашего времени только случайно и вырытому изъ библіотечной пыли, посчастливилось такъ, какъ рѣдко кому изъ старыхъ южно-русскихъ писателей. Дѣйствительно, обѣ очень многихъ изъ нихъ, и притомъ о писателяхъ очень важныхъ, существуетъ одно-два-три небольшихъ изслѣдованія, принадлежащихъ преимущественно одному Сумцову, а Вышенскимъ, который не успѣлъ еще попасть даже въ школьную исторію литературы (и Галахова, и Порфириева), ужъ занимался цѣлый рядъ ученыхъ, и притомъ, въ большинствѣ, перваго ранга. Чѣмъ заслужилъ Вышенскій такого усердія со стороны иныхъ ученыхъ, станеть вполнѣ ясно изъ разбора диссертациі Франка, особенно третьей части ея. Пока-что отмѣчу, что изслѣдованія о Вѣтомъ принадлежать главнымъ образомъ перу малороссовъ и при томъ такихъ, которые любятъ „найменшаго брата“ и чутки къ его потребностямъ. Монахъ-демократъ, демократизмъ котораго можно было забыть въ вѣкъ пренебреженія къ хлопамъ, охотно былъ воскрешенъ въ XIX-мъ вѣкѣ, въ вѣкѣ наибольшаго развитія заботъ и вопросовъ о судьбѣ и благосостояніи народныхъ массъ; малорусскій монахъ, требовавшій, чтобы проповѣдь „для вырозумѣнія людскаго по-просту толковалась и выкладалась“, охотно былъ воскрешенъ въ вѣкъ пробужденія національного чувства у малороссовъ. Покойный проф. Ом. Огоновскій, талантливый филологъ, но вовсе не талантливый историкъ, дошелъ въ своемъ умиленіи и вдохновеніи даже до курьезовъ: „Такъ отже сей чернецъ въ чоботы-щахъ невытерпихъ бувъ незвичайнимъ явищемъ въ тодишній жизни суспильній. Хочъ винъ не знавъ науки сколастичної, то силою виръ и природнымъ умомъ взрисъ справди въ велїта, супротывѣ которога сучасни книжники явились покотыгорошикомъ“ („Исторія литературы рускої“, т. I, стр. 143).

Первые 76 страницъ диссертациі Франка носятъ заглавіе: „Дотеперішні праці про Ивана Вышенського“. Изслѣдователь, держась хронологического порядка, аккуратно рассматриваетъ всѣ сочиненія, касающіяся Вышенскаго, сжато, но точно излагаетъ содержаніе каждого сочиненія и сопровождаетъ такимъ

же сжатымъ разборомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Франка былъ въ значительной степени облегченъ статьей Игн. Житецкаго („Киев. Стар.“ 1890), который также позаботился составить обзоръ трудовъ своихъ предшественниковъ; но то былъ краткій и бѣглый очеркъ, а у Франка обзоръ произведенъ съ большой обстоятельностью и полнотою. Однако нѣкоторые пропуски есть и у Франка. Самъ онъ сознается, что не досталъ, а потому и не разсмотрѣлъ двухъ книгъ: 1) Успенскаго: „Исторія Аѳона“, въ Академическомъ изданіи (1892,—изъ неї онъ, впрочемъ, ничего для себя не извлекъ бы) и 2) Голубева: „Объяснительные параграфы изъ исторіи южно-русской церкви“ (Киевъ 1893,—эта книжка была бы для него очень полезна). Въ виду старательности Франка и его склонности отмѣтить въ библиографіи о Вышенскомъ самыя маленькия замѣтки, я считаю позволительнымъ указать за нимъ еще пропуски: онъ даже не обмолвился о П. И. Житецкомъ, который также бросилъ нѣсколько словъ о Вышенскомъ; Ф. Терновский посвятилъ Іоанну статейку во 2-мъ томѣ своего „Изученія Византійской исторіи“; Лось составилъ (прескверную) статью для „Энциклонед. Словаря“ Брокгауза и Ефона; Н. Сумцовъ упомянулъ о языке Вышенского въ своей статьѣ „Рѣчь Ивана Мелешка“ въ „Киев. Стар.“ 1894, май и въ своемъ разборѣ „Мыслей о малорусскихъ думахъ“ П. И. Житецкаго, въ „Этногр. Обозр.“ 1895, кн. I.

Неѣмного можно возразить Франку насчетъ первой части его диссертациі, но все же кое-что найдется. На стр. 31, разбирая статью Лебедева, Франко говоритъ: „Интересна выписка изъ одного письма еп. Балабана, въ которомъ онъ упрекаетъ перемышльское духовенство, что оно „хватные дѣвки вѣнчаетъ“, изъ чего можемъ догадываться, что Несторовскій обычай („умыкаше дѣвица у водъ“) существовалъ въ перемышльской епархіи еще въ концѣ 16-го вѣка“. Ни о какомъ подобномъ обычай (т. е. умыканіи у водъ) мы отсюда догадываться не можемъ, „хватные дѣвки“—обыкновенные бѣглянки, которымъ власть родителей запрещаетъ вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ; случаи бѣгства дочери изъ дома повторяются и теперь, во всѣхъ слояхъ общества, они будуть повторяться до тѣхъ поръ,

пока будеть существовать любовь и на^Гряду съ нею родительское запрещеніе, и никакого отношенія къ этнографіи они не имѣютъ.—На стр. 38, возражая Завитневичу, который похвалилъ извѣстное сочиненіе Скарги „O rządzie i jedności kościoła Bożego“ за научность и сказалъ, что „Зачапка“ Вышенскаго далеко не дорошла до книги Скарги въ научномъ отношеніи, Франко спрашиваетъ: „Стоило бъ узнать, что это за такая научность у Скарги“? Это пренебрежительное замѣчаніе находится въ противорѣчіи съ тѣмъ (болѣе справедливымъ) мнѣніемъ Франка о Скаргиной книгѣ, которое онъ не разъ высказываетъ во второй части диссертациі. — Не соглашаясь точно также и съ Голубевымъ (на стр. 33), который ставилъ Вышенскаго въ научномъ отношеніи гораздо ниже Бронскаго (автора „Апокрифіса“), Франко опять противорѣчитъ себѣ, потому что во 2-ой части диссертациі (на стр. 113) самъ ставитъ ученость Бронскаго гораздо выше, чѣмъ Вышенскаго.—На стр. 57—62 Франко разбираетъ статью Игн. Житецкаго. Кстати замѣчу, не въ укоръ впрочемъ Франку, что не мѣшало бы поточнѣе отмѣтить имя этого автора статьи о Вышенскомъ, чтобы читатель не приписывалъ этой статьи извѣстному нашему филологу Павлу Игнатьевичу Житецкому. До чего принято считать авторомъ статьи не И., а П. Житецкаго, можно заключать изъ того, что вполнѣ солидное изданіе „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона помѣстило статью „Іоаннъ Вышенскій“ въ списокъ сочиненій Павла Игнатьевича... Рецензируя упомянутую статью, Франко впалъ въ нѣкоторы^у преувеличенія, отчасти благодаря авторской скромности. Какъ ни цѣнна статья Игн. Житецкаго, („Кiev. Ст.“ 1890, іюнь), все же нельзя ее ставить выше всѣхъ прочихъ изслѣдований о Вышенскомъ (стр. 57) ужъ просто потому, что болѣе ранняя статья Франка („Кiev. Ст.“ 1889) ничуть не менѣе цѣнна. Излишне превознесши Игн. Житецкаго въ одномъ мѣстѣ, Франко въ другомъ мѣстѣ такъ же излишне его унижаетъ (стр. 62): Франко строго упрекаетъ Житецкаго за сдѣланную имъ въ его статьѣ характеристику эпохи,—но вѣдь эта характеристика все же лучшая въ ряду другихъ, а у Франка, въ его большой диссер-

тациі, нѣтъ и вовсе никакой характеристики той эпохи, когда проповѣдникъ дѣйствовалъ!

Вторая часть диссертациі содержитъ анализъ произведеній Вышенскаго, но я предпочитаю разобрать сперва *третью часть—„Біографію и характеристику Вышенскаго“*, которую считаю болынмъ мѣстомъ всей диссертациі.

Нужно замѣтить, что касательно жизни нашего полемиста мы располагаемъ только двумя-тремя коротенькими свѣдѣніями. Именно: въ „Житіи и жизни преподобнаго отца нашего Іова, основателя скита Манявскаго“, которое составилъ „многогрѣшный іеромонахъ Игнатій зъ Любарова, въ то время жительствующій въ сей святой обители Скитской“, сказано, что Іоаннъ Вышенскій былъ другомъ Іова и пришелъ съ Аеона на нѣкоторое время къ нему въ Угорницкую обитель, потомъ присутствовалъ при основаніи скита Манявскаго и, „поживши зде, паки отъиде въ Святую гору“ въ годъ смерти Гедеона Балабана. („Зоря Галицкая“, 1861, стр. 233, 234, 235). Второе свѣдѣніе находится въ короткомъ меморіалѣ православныхъ 1621 г.: „Совѣтованіе о благочестії“, гдѣ рѣшаютъ между прочимъ вызвать съ Аеона для борьбы съ уніей „блаженнаго Іоанна, по-рѣкломъ Вишенскаго“ („Пам., изд. врем. комисс. для разб. древ. акт.“, 1848, стр. 248). Третье современное свидѣтельство открыто недавно Франкомъ; письмо александрийского патріарха Мелетія Пига, свидѣтельствующее о томъ, что патріархъ зналъ и уважалъ Вышенскаго. Вотъ и всѣ документальный^і данны^і. Если мы пожелаемъ узнать что-нибудь поподробнѣе о жизни и нравственномъ облике нашего писателя, то должны будемъ извлекать всѣ свѣдѣнія изъ его же произведеній. Работа эта не совсѣмъ легкая или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ устойчива, въ особенности разъ дѣло коснется характеристики его: тутъ ужъ едвали не каждый изслѣдователь приходитъ къ разнымъ результатамъ и понимаетъ личность Іоанна по-своему. Поставимъ, напр., рядомъ двѣ добросовѣстныя характеристики—Сумцова и Игн. Житецкаго,—что въ нихъ общаго? Что касается

Франка, то онъ, характеризуя личность Вышенского⁹, болѣе приближается къ Житецкому, чѣмъ къ Сумцову; это, впрочемъ объясняется тѣмъ, что Игн. Житецкій въ свое время пользовался одной изъ прежнихъ статей Франка же.

Что же нового даетъ намъ Франко теперь? До сихъ поръ считалось неопровергимымъ фактомъ, что настоящей (т. е. свѣтской) фамиліи автора „Посланій“ мы не знаемъ; такъ думалъ прежде и Франко („Киевск. Стар.“ 1889, апр., стр. 144). Прозвище „Вышенскій“ происходит отъ имени родины Ioanna, мѣстечка „Судова Вышня“ въ Галичинѣ. Онъ обыкновенно такъ и подписывался: „Ioanъ мнихъ (и)зъ Вышни“, или также „(и)зъ Вышней“, такъ какъ „Вышня“ есть, собственно, форма прилагательная (отъ „Курськъ“ род. п. будетъ по-малорусски „Курська“ и „Курського“, отъ „Ривно“—„Ривна“ и „Ривною“, и т. п. отъ „Вышня“, „Вышни“ и „Вышнью“) Франко сперва считаетъ нужнымъ бездоказательно предположить, что р. п. „Вышней“—это полонизмъ, и что настоящее имя мѣстечка есть форма имени существительного (зачѣмъ ему понадобилось это предположеніе, мы увидимъ впослѣдствіи), а потомъ произноситъ неожиданное заявленіе, что название „Вышенскій“ („Višenśkiy“ пишетъ Франко) не только указываетъ на происхожденіе проповѣдника изъ Вышни, но что это должно быть также его свѣтской, родовой фамиліей. Вотъ доказательства Франко: „Подъ посланіемъ къ старицѣ Домникіи Ioannъ подписался, вм. обычнаго „изъ Вышни“,—„страникъ реченный Вышенскій“. Вопросъ решается (продолжаетъ Франко), при свидѣтельствѣ современниковъ: Игнатія изъ Любарова, авторовъ „Совѣщанія („—ованія“!—А. К.) о благочестіи“ и, наконецъ—переписчика „Позорища мысленнаго“, которое было списано съ авторскаго автографа; всѣ они согласно называютъ его Вышенскимъ или Вышенскимъ,—значитъ, это была его фамилія, а подпись „зъ Вышней“ свидѣтельствуетъ только о мѣстѣ его рожденія“. Я думаю, каждому бросается въ глаза неестественность и натянутость такого объясненія; я думаю, никто не станетъ сомнѣваться, что „Вышенскій“—просто прилагательное, замѣняющее собою предлогъ съ род.^{иже и аци} падежемъ существительного („=изъ Вышни“). И притомъ не безъинтересно

обратить вниманіе на то, какъ осторожно употребляеть Іоаннъ для своего названія форму прилагательную: онъ къ ней прибавляетъ имя существительное нарицательное. Въ „Посланіі къ Домникії“ онъ подписывается „странникъ, речений Вышенскій“, а это значитъ: „такъ называемый“, или „прозванный“ Вышенскимъ. Есть еще одна подпись, о которой Франко не упоминаетъ: въ посланіі къ Ставропигійскому братству мы читаемъ: „Іоаннъ, русинъ Вышенскій“. Немногочисленные современники, которые упоминаютъ объ Іоаннѣ вскользь, и на которыхъ ссылается Франко, вѣдь ничего не говорять прямо о свѣтской фамилії Іоанна, а если они называютъ его сокращенно „Іоаннъ Вышенскій“ (въ „Совѣтованії“ впрочемъ стоитъ: „Іоанна, по-рекломъ вишенского“) то руководятся тѣмъ же соображеніемъ, какимъ руководился въ 1889-мъ году Франко, озаглавившій тогда свою статью: „Іоаннъ Вышенскій“ и начавшій ее заявлениемъ, что мы совсѣмъ не знаемъ фамилії писателя.

Если Іоаннъ былъ ровесникомъ Іова Княгиницкаго, своего друга (а у насъ нѣтъ основаній считать его младше или старше), то родился онъ около 1550 года. Франко, безъ всякихъ разсужденій, отодвигаетъ годъ его рожденія на пять лѣтъ назадъ. Зачѣмъ и почему?

Основываясь на слишкомъ явныхъ демократическихъ симпатіяхъ Іоанна, всѣ исследователи до сихъ поръ предполагали, что онъ родомъ былъ крестьянинъ или мѣщанинъ. Франко (стр. 419), опять неизвѣстно зачѣмъ, считаетъ нужнымъ предположить, что его родители были *зажиточные* мѣщане, или даже мелкіе дворяне (т. е. такой слой общества, который какъ разъ внушаетъ идеалы не демократические, а буржуазные!). Вотъ слова Франка: „Не могъ онъ происходить изъ совсѣмъ простой и совсѣмъ бѣдной семьи, если могъ получить хоть кой-какое образованіе („освѣту“), если могъ выбраться изъ родного гнѣза на болѣе широкій свѣтъ и если, живя въ Луцкѣ, могъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ какимъ-то высшимъ католическимъ духовнымъ“. Два вторыхъ основанія я совсѣмъ оставляю безъ вниманія (они вѣдь не выдерживаютъ малѣйшей критики), а насчетъ „якои-такои освѣты“ замѣчу, что „яка-така

освѣита“ не есть „велика освѣита“. Изъ чего она могла состоять? Самъ Франко догадывается: учился Іоаннъ, конечно, не выше, чѣмъ въ] приходской школѣ, и могъ тамъ выучиться чтенію, письму, часослову, псалтыри и церковному пѣнію,—не больше». Ну, для пріобрѣтенія такой „освѣиты“ вовсе не требовалось рода ни богатаго, ни дворянскаго!

Конечно, приходская школа—это только предположеніе Франка. Церковное пѣніе, которое изучилъ маленький Іоаннъ, также не выходитъ изъ области вѣроятій. Но Франку мало всѣхъ этихъ предположеній. По его мнѣнію, у мальчика *можетъ* быть въ дѣствѣ прекрасный голосъ, въ школу *можетъ* заѣхать какой-нибудь православный магнатъ, голосъ мальчика *можетъ* ему понравиться, и магнатъ *можетъ* взять его къ своему двору, и этимъ дворомъ скорѣе всего *можетъ* быть дворъ князя Острожскаго. (По какому дѣлу *можетъ* кн. Острожскій заѣхать въ приходскую Вышенскую школу, находившуюся за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острога, Франко умалчиваетъ). Какъ видимъ, Франко не задумывается нагромождать вѣроятности одну на другой, лишь бы пристроить бѣднаго Вышенскаго къ какому-нибудь православному магнату. „Скорѣе всего это можетъ быть кн. Острожскій, къ которому нашъ авторъ очевидно чувствовалъ нѣкоторое благоговѣніе, если его имя поставилъ во главѣ одного изъ своихъ первыхъ посланій.“ (По счету Франка же, оно восьмое!) и притомъ безъ всякой „внутришной потребы“ (стр. 421). Ну, а если бъ Іоаннъ ни дня, ни часа, ни минуты не жилъ въ молодости при Острожскомъ дворѣ и если бы до поступленія въ монастырь не былъ лично знакомъ съ княземъ, то что ему помѣшало бы адресоваться съ Аeonомъ со своимъ антиуніатскимъ посланіемъ къ сильнейшему и дѣятельнейшему русскому противнику унії?! Что мѣшало бы аeonскому православному монаху благоговѣть передъ мужественнымъ ревнителемъ православія на Руси?! Или для этого необходимо было непремѣнно личное знакомство съ княземъ?? Франко говоритъ, что посланіе, озаглавленное „Писаніе до кн. В. Острожскаго“ не содержитъ въ себѣ *ничего*, относящагося къ князю лично и, стало быть, послано на его имя безъ причины. А благодарность за стойкость въ вѣрѣ?—

Была, наконецъ, еще одна и „внутришня потреба“, заставившая Вышенскаго посвятить свое „Писаніе“ князю Острожскому: оно написано Вышенскимъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Апокри-
сиса“ Бронскаго, а „Апокрисисѣ“ вѣдь былъ изданъ княземъ въ его острожской типографіи.

„Какъ нѣкотораго рода посредствующее подтвержденіе (ран-
нѣго пребыванія Вышенскаго при острожскомъ дворѣ), можно
считать тотъ фактъ, что при Острожскомъ дворѣ, и притомъ въ
довольно значительномъ положеніи, находился какой-то другой
Вышенскій, м. б. какой-нибудь родственникъ, если даже не братъ
нашего автора“ (стр. 421). И затѣмъ Франко приводитъ оты-
сканное имъ мѣсто изъ уніатскаго „Антиррезиса“ (1600 г.), гдѣ
говорится, что кн. Острожскій сперва былъ склоненъ къ уніи
и писалъ по этому поводу „лыстъ“ къ митрополиту, „który
list podan mu był przez slugę Iego X. M. Rapa Wasila starostę
Suraskiego u przez Pana Wiszeńskiego“. Hier liegt der Hund
begraben! Вотъ для чего Франко строилъ до сихъ поръ рядъ
отчаянныхъ гипотезъ! При скудости свѣдѣній о жизни проно-
вѣдника, ему чрезвычайно захотѣлось извлечь какую-нибудь
пользу для его біографіи изъ новооткрытаго свидѣтельства въ
„Антиррезисѣ“ о панѣ Вышенскомъ. Чтобы сдѣлать рана Wi-
szeńskiego родственникомъ будущему полемисту, Франко всѣми
правдами и неправдами строилъ до сихъ поръ всякия предпо-
ложенія о настоящей фамиліи Ивана, о его шляхетскомъ про-
исхожденіи, о его прекрасномъ голосѣ, и пр., и пр., и пр.!

Wiszeński не могъ быть сродни „Вышенскому“ ужъ по
одному тому, что эти два наименованія даже фонетически не
совпадаютъ: мѣстечко называется „Вышня“ (кор. „выс.“), Иоаннъ
довольно аккуратно пишетъ въ этомъ имени и въ своемъ про-
звищѣ „ы“, тоже „ы“ пишутъ и современники въ прозвищѣ „Вы-
шенский“, и на основаніи двухъ-трехъ описокъ (напр., „порек-
ломъ вишенского“, съ „и“) вовсе не слѣдуетъ пріурочивать
Вышенскаго къ Wiszeńskiemu. Впрочемъ если бъ мы упорно
захотѣли видѣть въ обоихъ случаяхъ одну и ту же фамилію, то
никакой пользы для біографіи Ивана изъ свѣдѣнія „Анти-
ррезиса“ не извлекли бы. Франку приходится дѣлать большія на-

тяжки, чтобы фиксировать рана Wiszeńskiego въ Острогѣ, чтобы лишить его знатности и чтобы не отнять у него возможности быть родственникомъ Ивану. Всѣ дальнѣйшія построенія Франка обѣ Иванѣ зиждутся на томъ предположеніи, что рана Wiszeński былъ слугою князя Острожскаго; но вѣдь въ „Антирезисѣ“ стоитъ „*sługe*“ въ ед. ч. и относится *только* къ Суражскому! У насъ нѣтъ никакихъ основаній считать и рана Wiszeńskiего такимъ же слугою князя, жившимъ при его дворѣ, а стало быть—нѣтъ также никакихъ основаній предполагать, что онъ могъ пристроить къ княжескому двору своего молодаго родственника. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ (429), самъ Франко признается, что не можетъ догадаться, какую бѣ это такую должность могъ занимать нашъ авторъ при Острожскомъ дворѣ.— „Кажется однако“, продолжаетъ онъ, „что эта должность заставляла его часто и подолгу (почему не всегда?) пробывать въ Луцѣ, Люблинѣ и другихъ городахъ“, и Франко подкрѣпляетъ это ссылками на сочиненія самого Вышенскаго. Вотъ то-то и есть! подлинный свидѣтельства противятся помѣщенію молодого Вышенскаго при Острожскомъ дворѣ.

Разъ мы сознаемъ это, намъ приходится отвергнуть всѣ дальнѣйшія размышенія (лучше сказать фантазированія) Франка на тему о томъ, что горько было жить бѣдному, „худородному“ юношѣ среди знати, что придворная жизнь была для него суровой и всесторонней школой, что онъ привыкъ глубоко вдумываться въ себя и среду, что радикально-демократические идеалы насчетъ всеобщей равноправности были естественной реакцией противъ „дуковѣ-срибляныковѣ“ и т. д., и т. д. Размышенія эти дѣлаютъ честь благородству мыслей Франка и его творческому таланту, но ничего общаго съ исторіей не имѣютъ. А прекрасной школой жизни для Вышенскаго могли быть, и безъ Острога, Луцѣ и Люблинѣ, гдѣ Вышенскій близко присматривался къ внутреннему быту нѣкоторыхъ „сильныхъ міра сего“. Напр., изъ „Краткословнаго отвѣта Іеодула“ намъ известно, что въ Луцѣ какой-то развращенный латинскій „мистрѣ“ относился къ нему очень дружественно и рассказывалъ ему, какъ онъ соплазнилъ и обѣщчилъ одну дѣвшку. Чѣмъ объясняется такая

интимность, сказать нельзя. Догадокъ, конечно, можно строить очень много. Однако, словно нарочно, та, которую выставилъ Франко, является наименѣе правдоподобной. Франко дѣлаетъ Вышенскаго *равнымъ* другомъ высокопоставленного каноника и придаетъ самому Вышенскому какое-то высокое общественное положеніе. Но передъ высокопоставленнымъ православнымъ русиномъ высокопоставленный католический духовный не сталъ бы откровенничать. Гораздо проще думать, что Вышенскій былъ у него козачкомъ и довѣреннымъ „личардой“, передъ которымъ знатный „мистрѣ“ не считалъ нужнымъ конфузиться. Довольно спокойно можно допустить и то предположеніе, что пожалуй самъ Иванъ любилъ въ молодости, по мѣрѣ средствъ, покутить, пожуировать, „пожить“, такъ что у него было много общихъ чертъ съ развращеннымъ ксендзомъ. Франко скажетъ, что моя догадка недостойна, и что она омрачаетъ свѣтлый образъ нашего проповѣдника. Но она психологически очень вѣроятна! Вышенскій былъ вѣдь человѣкъ увлекающійся, „человѣкъ, умѣющій сильно любить и сильно ненавидѣть“, (слова Франка! см. стр. 492), „человѣкъ, рѣшительный въ добромъ или зломъ“ (*ibid*), человѣкъ горячій и пылкій,—неужели же онъ въ молодости не отдалъ дани молодости, а такъ сразу, чутъ не съ пленокъ, сталъ помышлять о монастырѣ? Чего жъ бы онъ возненавидѣлъ суetu міра, еслибы этой суety не испыталъ на себѣ? И въ монастырь-то чего бы поступилъ? Неужели не для того, чтобы замаливать грѣхи? Да это едвѣли не законъ, что всѣ энергические, пылкіе аскеты-моралисты имѣли молодость очень бурную и полную увлечений: для подтвержденія, всмотримся внимательно въ біографіи греческихъ философовъ сколько-нибудь аскетического направленія, всмотримся въ христіанскій житія святыхъ (причемъ, понятно, исключеніе сдѣлаемъ для того разряда житій, гдѣ младенцы - святые не вкушаютъ молока отъ груди матери въ пятницу, въ среду и прочие постные дни), всмотримся наконецъ въ тѣ аскетическія біографіи, гдѣ наиболѣе сохранилось правдивыхъ, реальныхъ чертъ,—въ біографіи святыхъ дервишей-суфіевъ (онъ есть и въ нѣмецкомъ переводѣ Гаммера, много томовъ),—вездѣ мы увидимъ подкрайленіе пред-

ложенного мною закона. Я думаю, что пылкій Вышенскій, кото-
раго мнози страсти бороли до старости (см. его письмо къ
Іову), не составляетъ исключенія; я думаю, что его слова: „и я
нѣкогда въ той пробѣ былъ“ („Краткословный отвѣтъ“) служать
самымъ яснымъ признаніемъ въ бурно проведенной молодости.—
Что касается догадки Франка, будто Вышенскій, выслушавши
рассказъ важнаго ксендза, постригся отъ ужаса въ монахи, то
эта догадка ровно ничего не стоитъ. Во-^{другъ}—хъ, какъ видно изъ
„Краткословнаго отвѣта“, пылкій Вышенскій слушалъ рассказъ
„мистра“ очень долго, внимательно, со всѣми подробностями и,
стало быть, довольно хладнокровно; во-^{другъ}—онъ „мистра“ зналъ
давно и хорошо (вѣдь „дружбу мѣль“ съ нимъ!), и признаніе
друга, насчетъ блуда не могло поразить его неожиданностью; въ
вѣдь самъ Франко (стр. 430) собралъ много данныхъ, изъ кото-
рыхъ видно, что все латинское духовенство не отличалось въ
то время чистотою нравовъ, и случай, передаваемый Вышен-
скимъ, былъ вещь слишкомъ обычная, чтобы потрясти все су-
щество Вышенскаго.

Постригся ли Вышенскій еще на родинѣ, или только на
Аeonъ, Франко не пытается решить: онъ даже обходитъ мол-
чаніемъ первое предположеніе. А жаль: если бы вдругъ откры-
лось, что оно вѣрно, то, при наклонности Франка строить нѣ-
которые главы 2-ой части на психології, ему пришлось бы иногда
очутиться на мели.

Франко предполагаетъ (стр. 425), что еще до ухода на
Аeonъ Вышенскій завязалъ дружескія отношенія съ Иваномъ
Княгиницкимъ (позже Аeonскимъ схимонахомъ Іовомъ, насади-
телемъ монастырей въ Галичинѣ). Предположеніе это ни на
чемъ не основано,—развѣ только на другомъ шаткомъ предпо-
ложеніи, которое я ужъ постарался опровергнуть, именно, что
Вышенскій жилъ при дворѣ князя Острожскаго; а тамъ, какъ
ужъ несомнѣнно известно, былъ ученикомъ и потомъ учителемъ
Академіи Іовъ. („Зоря Галицк., яко альб. на 1861 годъ“, стр.
228). Первое возраженіе Франку—то, что ему не удастся въ
своихъ гипотезахъ свести концы съ концами. Вѣдь по его раз-
счету (о чёмъ рѣчь дальше) Вышенскій въ 1578 году ушелъ

ужъ на Аeonъ, а Острожская академія открыта только въ 1580 г. (См. Порфириевъ: „Ист. русск. словъ“, 1891, т. I, стр. 603, гдѣ ссылка на ѡ. Четыркина: „Князь К. К. Острожскій, какъ защитникъ православія въ ю.-з. Руси въ XVI. ст.“; + Галаховъ: „Ист. р. сл.“, I, стр. 353). Впрочемъ, если бъ Франко рѣшилъ даже подвинуть время ухода Вышенского на Аeonъ на нѣсколько лѣтъ впередъ (т. е. на болѣе позднюю пору, чѣмъ 1580-й годъ), то и въ томъ случаѣ незачѣмъ намъ предполагать раннее знакомство Вышенского и Княгиницкаго (въ Острогѣ, или вообще на родинѣ), разъ у насъ нѣть документальныхъ оснований для такого предположенія. Да и какіе могли быть отношенія, что могло быть общаго въ мірѣ — у необразованнаго Вышенскаго и ученаго профессора Іова? Съ болѣшимъ основаніемъ можно думать, что Вышенский и Княгиницкій подружились ужъ на Аeonѣ, какъ земляки на чужбинѣ и какъ послушники.

Теперь посмотримъ, какъ пытается Франко опредѣлить время ухода на Аeonъ какъ Вышенскаго, такъ и Княгиницкаго. Когда Франко не пускается въ поэтическій гипотезы, а просто анализируетъ документы, тогда онъ обнаруживаетъ и проницательность, и остроуміе. Разбирая житіе Іова, составленное Игнатіемъ изъ Любарова, и подвергая его критикѣ, Франко прекрасно показываетъ, что основатель Манявскаго скита удалился на Аeonъ въ 1584-мъ году. — „Что же касается Вышенскаго“, продолжаетъ Франко, пугая читателя, который успѣль было отдохнуть отъ чудовищныхъ гипотезъ, — то онъ, вѣроятно, былъ старше Іова на нѣсколько лѣтъ и потому (!) удалился на Аeonъ раньше“. Откуду сie?! На чемъ основано это изумительное „вѣроятно“ и еще болѣе изумительное „потому“? Отчего не держаться того предположенія, какого держались предшествовавшіе изслѣдователи, — что Вышенскій былъ ровесникомъ Княгиницкаго? (Ничто, впрочемъ, не препятствуетъ думать, что Вышенскій могъ быть даже младше Княгиницкаго). Да если бъ мы и повѣрили ясновидѣнію Франка, т. е. тому, что Вышенскій былъ старше Іова на три-четыре года, то вытекаетъ ли отсюда, что онъ потому не могъ попасть на Аeonъ въ одно время съ Іовомъ? — Не трудно догадаться, зачѣмъ нужны

Франку всѣ его хитросплетенія: нужны они ему по той причинѣ, что ему хочется видѣть Вышенскаго въ Охридѣ между 1576—1580 г.г., т. е. вскорѣ послѣ убіенія Варлаама, который былъ убитъ, быть можетъ (!), около этого времени; такимъ образомъ Франку удастся подыскать какую-либо дату составленія для „Новины, или вѣсти о обрѣтеніи тѣла Варлаама“. Что такое эта пресловутая „Новина“, подробно объ этомъ мы поговоримъ еще не разъ, теперь я голословно заявлю, что написана она не раньше 1598-го года (!) и, кромѣ того, не имѣеть права считаться сочиненіемъ Вышенскаго. Интересна попытка Франка не ограничиться однимъ только предположеніемъ, но доказать, что на Аeonъ Вышенскій поступилъ именно между 1576—1580 годами.—Іовъ Княгиницкій,—говорить онъ,—долженъ былъ выдержать на Аeonъ $13\frac{1}{2}$ лѣтъ искуса, причемъ ничего не смылъ тогда ни читать, ни писать; тому же искусу, вѣроятно, подвергался и Вышенскій; писать онъ началъ въ 1589-мъ году,—отнимемъ $13\frac{1}{2}$ лѣтъ, получается приблизительно 1578.—Здѣсь цѣлая куча загадокъ. Что, $13\frac{1}{2}$ лѣтъ искуса, это неизмѣнныій законъ, чтобы? Какъ будто не могъ искусъ тянуться разные сроки, смотря по убѣжденіямъ того старца, къ которому новичекъ поступалъ на послушаніе! А, быть можетъ, у Вышенскаго искусъ длился дольше, чѣмъ у Княгиницкаго?—Іовърить этому можно, потому-что Иванъ былъ натура болѣе обуреваемая злыми духами. А то, быть можетъ, искусъ Вышенскаго былъ несравненно короче, чѣмъ Княгиницкаго?—Что жъ! И это предположить мы вправѣ, потому-что въ виду необходимости бороться православію съ уніей старецъ спокойно могъ пустить Ивана пораньше на благочестивое дѣло.—Впрочемъ, если мы вслѣдъ за Франкомъ пожелаемъ назначить Ивану тѣ же $13\frac{1}{2}$ лѣтъ искуса, то развѣ разность уменьшаемаго 1589 и вычитаемаго $13\frac{1}{2}$ будетъ 1578? И наконецъ, съ какой стати Франко вычитаетъ цифру лѣтъ искуса изъ 1589, а не изъ другаго числа? Вѣдь онъ самъ увѣряетъ во второй части диссертациіи, что первое свое произведеніе Вышенскій написалъ въ промежуткѣ между 1576—1580 годомъ, второе—вскорѣ послѣ того,

третье—въ началѣ 80-хъ годовъ! а къ 1589—90 году относится, по счету Франка, ужъ четвертое произведение Вышенскаго.

Какой дорогой поѣхалъ Вышенскій на Аѳонъ? Прямая и обычная дорога—черезъ Молдавію, Рущукъ, Пловдивъ, Константинополь, а оттуда—моремъ до Аѳона. Но Франко, не имѣя никакихъ документальныхъ намековъ, гонитъ Вышенскаго черезъ Карпаты въ Венгрію, оттуда—въ Сербію, оттуда—въ Верхнюю Албанію, въ Охриду, Велесъ и по Вардару въ Солунь. Самъ Франко сознается, что о такомъ маршруте Вышенскаго мы не имѣмъ никакихъ свѣдѣній, что это дорога неупотребительная, что это дорога очень тяжелая, но... вы должны, господа читатели, согласиться на такой маршрутъ, иначе отымете у Франка возможность поразсудить на счетъ все той же злополучной „Новинѣ“!—„Прямой дорогой“, говоритъ намъ Франко, „Вышенскій *может* не поѣхать потому, что времена около 1580-го года въ странахъ задунайскихъ, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи и Албаніи были временами ^{нестабильными} волненій, бунтовъ и партійныхъ препирательствъ“. Но во ¹-хъ, дорога, приписанная Вышенскому Франкомъ (черезъ Венгрію), ничуть не удобнѣе обычной, потому что она и гораздо длиннѣе, и утомительнѣе, и тѣхъ же балканскихъ странъ не избѣгаетъ; во ²-хъ—какихъ-нибудь страшныхъ, необычныхъ волненій на Балканскомъ полуостровѣ около 1580 года не было: то, о чёмъ разсказываетъ Гаммеръ (Hammer-Purgstall: Geschichte des Osmanischen Reiches. Pesth, 1829, IV, 21, 23) и на что ссылается Франко, вовсе не выходить изъ ряда повседневныхъ турецкихъ событий; и въ ³-хъ—съ какой стати Франко заинтересовался положеніемъ балканскихъ дѣлъ 1580-го года, разъ онъ самъ потщился доказать, что въ 1578-мъ году Вышенскій былъ ужъ на Аѳонѣ?—По-моему, Франко долженъ отказаться отъ своего фантастического маршрута и пустить Вышенскаго на Аѳонъ обыкновеннымъ, традиціоннымъ путемъ, какимъ тотъ поѣхалъ, должно быть, не одинъ, а съ толпою бывалыхъ богомольцевъ, и могъ чувствовать себя съ ними безопаснѣе отъ всякихъ „розрухивъ“, чѣмъ путешествуя по какимъ-то глухимъ захолустьямъ (и, вѣроятно, одинъ!).—„Дорога черезъ Охриду объяснила бы намъ составленіе нашимъ авторомъ

„Новини объ обрѣтенії тѣла Варлаама Охридскаго“ и тотъ теплый интересъ къ Охридѣ, какой виднѣется въ заключительныхъ строчкахъ „Новини“, — говоритъ Франко на стр. 434. Что собственно значить эта фраза и какой процессъ авторскаго мышленія, мы по ней подмѣчаемъ? Новидимому, мы здѣсь имѣемъ энтилему: „Такъ-какъ Вышенскій шелъ на Аeonъ черезъ Охриду, то у него и явилось желаніе задушевно написать „Новину“. + Такъ! но откуда жъ Франко добылъ сюда малую посыпку (т. е. первую половину фразы)? Она у него возникла вѣдь, какъ выводъ изъ предшествовавшей энтилемы: „Такъ-какъ у Вышенскаго есть задушевное сочиненіе „Новина“, касающееся охридянъ, то, значитъ, онъ шелъ на Аeonъ черезъ Охриду“. Это называется логическій кругъ, petitio principii. (Изъ-за той же „Новини“ Франко еще разъ обнаруживаетъ поползновеніе вступить въ логическій кругъ, въ опредѣленіи времени составленія „Новини“, но объ этомъ мы потолкуемъ при разборѣ второй части диссертациі). Курьезно, что въ этомъ логическомъ кругѣ, гдѣ одна посылка прямо petitio, другая съ своей стороны очень и очень хромаетъ. Именно: гдѣ онъ, гдѣ этотъ „теплый интересъ къ Охридѣ“, который, по словамъ Франка, виднѣется въ конечныхъ строчкахъ „Новини“?? Вотъ онъ эти конечныя строчки,—я ихъ не просто выписываю (изъ „Кіевск. Стар.“ 1890, юнь прилож.), а даже перевожу, потому что Франко, очевидно, не совсѣмъ понялъ смыслъ старославянскаго текста, полнаго фиктивныхъ грамматическихъ формъ: „Желающіе лично убѣдиться въ истинѣ разсказанныаго (т. е. чудесъ отъ гроба Варлаама), идите къ городу Охридѣ,—тамъувѣрите и узнаете, что все это не басня, но именно такъ, какъ я говорю. А не соглашающіеся отправиться въ путь и остающіеся на мѣстѣ своей родины, докажите свою вѣру (въ истину моего рассказа) дѣломъ и поревнуйте Варлаамовой добродѣтели, жизни, подвигу и мученическому вѣнцу, чтобы и самимъ получить свыше ту же благодать. Дай Господь, чтобъ вы этого пожелали. Аминь“. Гдѣ здѣсь Франко усмотрѣлъ у Вышенскаго теплый, т. е. субъективный интересъ къ Охриду,—право, не понимаю: къ Варлааму—да, есть интересъ, но какого-нибудь намека на личное

отношениі къ Охридѣ—нѣтъ. Чтобы снять съ Франка подозрѣніе въ ненаучной предвзятости и умышленномъ извращеніи смысла текста, я предпочитаю думать, что онъ просто не понялъ этого мѣста.

Какимъ образомъ прошли первые годы послушанія Вышенскаго, Франко считаетъ возможнымъ догадаться посредствомъ проведения аналогіи съ послушаніемъ Іова Княгиницкаго, которое намъ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ. Конечно, догадки Франка такъ и останутся догадками, не болѣе, но самыи-то пріемъ ислѣдованія несомнѣнно очень остроуменъ. Только ужъ нужно быть послѣдовательну въ проведениіи своихъ аналогій, иначе онъ теряютъ всякий смыслъ. Если Іовъ ничего ни читать, ни писать не смѣлъ цѣлыхъ $13\frac{1}{2}$ лѣтъ своего послушанія, то на какомъ основаніи Вышенному, котораго Франко привелъ на Аeonъ въ 1578-мъ году, Франко приписываетъ сочиненія въ 1580-мъ году и въ началѣ 80-хъ? Если же Франко отвѣтить мнѣ моимъ же возраженіемъ, т. е. что для Вышеннскаго могли, по неизвѣстной намъ причинѣ, быть сдѣланы исключенія, то къ чему тогда строить аналогіи?

Говоря о жизни Вышеннскаго на Аeonѣ, Франко считаетъ нужнымъ (стр. 435—438) указать здѣсь же тѣ книги, какіи могли имѣть вліяніе на образованіе его убѣжденій. Еще и раньше, на стр. 431—432, Франко мимоходомъ построилъ очень остроумную гипотезу о томъ вліяніи, которое могъ оказать на Вышеннскаго кальвинистъ Кровицкій. (Замѣчу кстати въ возраженіе Франку и въ защиту своего собственнаго мнѣнія, что съ такими еретическими, вольнодумными произведеніями, какъ Кровицкаго, Вышеннскій могъ познакомиться и сродниться только въ томъ случаѣ, если въ молодости былъ человѣкомъ нерелигіознымъ и не строгихъ правиль). А здѣсь, на упомянутыхъ стр. 435—438, Франко извлекаетъ изъ произведеній самого Вышеннскаго прямой или скрытый указанія на его хорошее знакомство съ Діонисіемъ Ареопагитомъ и съ Іоанномъ Златоустымъ, съ Григоріемъ Синаитомъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Лѣстничникомъ и мн. др. Умѣлость Франка разбираться въ документахъ и эрудиція его дѣлаетъ чтеніе этихъ

страницъ очень пріятнымъ, въ особенности послѣ того колоссального „giot of imagination“, какой мы видѣли на предыдущихъ страницахъ. Только говоря объ апокрифической „лектурѣ“ Вышенскаго, Франко, этотъ извѣстный знатокъ и любитель апокрифовъ, увлекается и уклоняется отъ истины. Что Вышенскій былъ знакомъ съ апокрифомъ *„Сѣтованіе земли“*, съ этимъ, конечно, можно согласиться (хотя Сумцовъ, стр. 653, „Київъ“. 1885, апр. совѣтуетъ говорить и объ этомъ знакомствѣ поосторожнѣе), но Франко желаетъ усмотреть въ цитатахъ Вышенскаго намекъ еще на одинъ апокрифъ, неизвѣстный намъ,—объ *Илії и концѣ свѣта*. Лукавое мудрствованіе! Вышенскій, говоря о массовомъ отпаденіи православныхъ къ унії и католицизму, утѣшаетъ себя мыслю, что если не въ Польшѣ, то хоть въ Турціи „остало до тысячи до Иліи отъ Бога реченныхъ, иже не поклониша колени ваалу“. Переведемъ эти слова на русскій языкъ: „Осталось до тысячи (?) такихъ людей, насчетъ какихъ Богъ говорилъ Иліѣ: „Они не преклонили колѣнъ предъ Вадломъ“. Ясно, что рѣчь идетъ о тѣхъ вѣрныхъ православныхъ, которыхъ можно уподобить небольшой кучкѣ праведниковъ, остававшихся въ Израилѣ въ вѣкъ Иліи. Замѣчу кстати, что вм. „до тысячи“ слѣдуетъ здѣсь читать: „до седми тысячи“, какъ это и читается въ 3-й книгѣ Царствъ, XIX, 18; если бы Вышенскій хотѣлъ сказать только объ одной тысячѣ, то не употребилъ бы род. ^{у. ч. и множ. ед. ч.} Франко разсуждаетъ вотъ какъ: „Эти слова заставляютъ догадываться, что нашему автору была извѣстна какая-то эсхатологическая (!) легенда о концѣ міра, въ которой говорилось, что предъ концемъ міра, когда на землѣ воцарится Антихристъ и возмутить всѣхъ христіанъ, придетъ Илія и застанетъ только тысячу праведныхъ (а гдѣ жъ это у Вышенскаго намекъ на Антихриста?). Какая это была легенда или какой варіантъ (даже *варіантъ!*), мы не беремся тутъ рѣшать“. (Еще-бы!), Очевидно, что толкованіе Франка основано на непониманіи текста. Странно только, что свою гипотезу объ апокрифѣ про Илію Франко, въ другихъ мѣстахъ, прямо принимаетъ за доказанную истину и даже за несомнѣнную аксиому.

Около 1599-го г. мы видимъ Іоанна въ затворничествѣ. По этому случаю Франко приводитъ изъ сочиненія Петрашевскаго „Dziesięcioletnia podróz po Wschodzie“ свѣдѣнія о жизни монаховъ-затворниковъ. Свѣдѣнія эти очень интересны, но напрасно Франко выражается такимъ увѣреннымъ тономъ, который заставляетъ читателя думать, будто они относятся не къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, а еще къ 16-му вѣку. „Трудъ, молитва и постъ, были обычнымъ занятіемъ скитника; говорить нельзя ему было ни съ кѣмъ; обыкновенной его пищей была вареный бобъ, обыкновеннымъ лѣкарствомъ въ случаѣ болѣзни была водка, настоящая на полыни“ (стр. 440). У Петрашевскаго нѣтъ нигдѣ: „были“. Что-то не очень мнѣ вѣрится въ такое широкое распространеніе водки среди аѳонскихъ подвижниковъ 16-го столѣтія (скорѣе можно повѣрить, что они всякое лѣченіе считали за грѣхъ), да Петрашевскому я не особенно вѣрю даже по отношенію къ началу нынѣшняго столѣтія. Этотъ ориенталистъ, какъ известно, мастеръ былъ фантазировать, а въ томъ мѣстѣ, которое по своему переводитъ Франко, сквозить явное зубоскальство и иронія надъ православными затворниками и желаніе разсмѣшить читателя. („Opі sa zawsze zdrowi, bo nieodzowny dzban z piożunową wódką od ich bocu nie odstaje“, op. at., p. 79). Франко, ради научности, передѣлываетъ слова Петрашевскаго на иной, серіозный ладъ. Но вполнѣ научнымъ было бы совсѣмъ отказаться отъ его сомнительныхъ сообщеній.

Рассуждая о вліяніи Аѳона на поддержку православія въ южной Руси въ XVI-XVII вв., Франко встаетъ противъ тѣхъ историковъ, которые значительно перецѣниваютъ это вліяніе (т. е. въ сущности противъ всѣхъ нашихъ историковъ). Вопросу о вліяніи Аѳона Франко посвящаетъ стр. 443-455. Сперва онъ входитъ въ разсмотрѣніе первоначальной исторіи Аѳона, причемъ обнаруживаетъ свое знакомство съ очень многими учеными трудами по этому вопросу; на стр. 449 онъ приводитъ общій, сводный перечень важнейшихъ сочиненій по исторіи Аѳона, и пропускаетъ... „Исторію Аѳона“ преосв. Порфирия Успенскаго! Зная изъ частныхъ сношеній съ Франкомъ, что онъ высоко ставитъ это сочиненіе и даже собирается издать часть его

въ малорусскомъ переводѣ, я склоненъ видѣть въ его пропускѣ простой недосмотръ, а не умышленное игнорировавіе. Нѣкоторыя неудобныя частности изложенія и слишкомъ поспѣшныя заключенія Франка поражаютъ непріятно. „Послѣ 1453-го г., т. е. послѣ завоеванія турками Византіи, судьба Аеона измѣняется. Турки тутъ, какъ и во многихъ другихъ вешахъ, оказались народомъ практическимъ. Они не мѣшались въ дѣла религіозныя, сохранили автопомію монашеской республики, но велѣли платить себѣ за все хорошия подати и притомъ двойныя: съ каждого монастыря, келіи и пещеры особую, такъ сказать домовую подать, а съ каждого монаха опять особую—поголовщину“ (стр. 447). Здѣсь мы видимъ незнакомство съ исторіей законовъ собственности у мусульманъ. Не слѣдовало говорить о практичности и изобрѣтательности турокъ, потому что упомянутый способъ обложения податью—изобрѣтеніе вовсе не турецкое. И „хараджъ“ и „джизъетъ“ (такъ называются эти оба рода подати) датируются отъ первыхъ временъ исламскихъ завоеваній, отъ Омара. Нѣсколько дальше, на той же 449-й стр., Франко употребляетъ слово „гаракъ“, но кажется, употребляетъ его бессознательно, не отдавая себѣ отчета въ его точномъ значеніи: изъ связи рѣчи можно думать, что онъ „гаракемъ“ называетъ и поголовную подать. Въ этомъ я вижу сбивчивый полонизмъ и совсѣмъ Франку уклоняться отъ него, а для обозначенія поземельной подати, взымаемой съ иновѣрцевъ въ мусульманскихъ краяхъ, употреблять съ болѣе правильнымъ произношеніемъ терминъ „хараджъ“. Польски слово „nagacz“ давно получило смыслъ всякой подати вообще, но малороссы теперь совсѣмъ не знаютъ и не понимаютъ слова „гаракъ“, такъ что „хараджъ“, въ смыслѣ очень опредѣленнѣю термина, можетъ быть принять въ языкѣ безъ всякой сбивчивости. Далѣе, сообщая о частомъ странствованіи аеонскихъ монаховъ на Русь за милостынею, Франко объясняетъ это бродяжничество гнетомъ турецкихъ поборовъ (это, впрочемъ, не его одного мнѣніе). Сваливать причину нищенскаго бродяжничества монаховъ только на желаніе достать денегъ для подати туркамъ—не вполнѣ будетъ правильно. Скитальческую жизнь христіанскихъ восточныхъ мо-

наховъ нужно въ извѣстной степени объяснять также догматическимъ вліяніемъ мусульманского дервишества (суфійства), которое достигло въ исламскихъ странахъ неслыханного распространенія и колоссального могущества и воздѣйствовало также на христіанство (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“, М. 1895, оттискъ изъ „Трудовъ Императ. Археол. Общ.“). Основываясь на томъ предположеніи, что поѣздки аөонскихъ монаховъ на Русь вызываемы были исключительно желаніемъ собрать себѣ милостынью, Франко находитъ, что нравственнаго воздѣйствія на Русь аөониты произвѣсть не могли. Соображеніе неправильное. Намъ все равно, за деньгами или за чѣмъ другимъ ъздили аөониты на Русь, довольно того, что они ъздили, и сношенія Аөона съ Малороссіей поддерживали, а значитъ и вліяніе оказывать могли. Притомъ, какъ я ужъ сказалъ, были у аөонитовъ и другія побужденія странствовать, не только меркантильныя. Самъ Франко нечаянно подчеркиваетъ и другія причины (стр. 449—450): „Впрочемъ и не изумительно, что аөонскихъ монаховъ принимали у насъ съ радостью, это были частенько свои люди, или приносили вѣсти отъ своихъ людей. Еще съ XIV в. былъ на Аөонѣ специальный русскій монастырь Руссионъ; много русиновъ спасалось и по другимъ аөонскимъ монастырямъ, особенно въ сербскихъ и болгарскихъ, какъ Зографскій (Франко пишетъ „Зографу“,—что за странное окончаніе въ малорусскомъ языке!); Павловѣ (у Франка: „Паулю“), а также по отдѣльнымъ скитамъ и пещерамъ. Слава святости, которую имѣлъ у насъ Аөонъ, достигла еще временъ св. Антонія Печерскаго, т. е. была какъ бы драгоценной частью самой христіанской традиціи въ Малороссіи отъ самого введенія христіанства. Не удивительно поэтому, что въ 1621-мъ году православные, въ своемъ „Соѣтованіи о благочестії“, прямо признавали потребность послыдать „Россовъ маючихъся истинно ко житію добродѣтельному“ на Аөонъ, какъ въ школу духовную“. Могъ ли Франко лучше опровергнуть себя, чѣмъ этими самыми собственными словами? Нужно ли большаго доказательства для нравственнаго воздѣйствія Аөона на Русь? На стр. 450—452 Франко перечисляетъ рядъ Аөонскихъ ревнителей православія, имѣвшихъ сношенія

съ южной Русью, поддерживавшихъ духъ православія противъ латинства своими сочиненіями, писавшихъ на Русь соборныя посланія (я думаю, что и дѣятельность Мелетія Пига можно съ нѣкоторымъ правомъ отнести на счетъ Аѳона), и какъ выводъ изъ этого длиннаго перечня у Франка является сужденіе: „Все это труды случайные“ (sic!!). Какъ одинъ изъ резоновъ игнорировать аѳонское воздействиe на Русь, Франко выставляетъ то соображеніе, что „этого было недостаточно для борьбы съ уніей: понадобилась помошь западной науки, братствъ, козачества и т. п.“. Совершенно вѣрно: „это“ (т. е. аѳонское воздействиe) одно, *само по себѣ*, не въ состояніи было остановить успѣховъ католицизма на Руси, тѣмъ не менѣе оно было очень и очень важнымъ оружиемъ и, несомнѣнно, послужило сильной поддержкой для православія въ южной Руси. Изъ того, что аѳонская образованность и традиція были *не единственнымъ* орудіемъ борьбы, нельзя еще отрицать ихъ значенія. И то мѣсто „Совѣтованія о благочестії“ (1621), въ которомъ православные, *прибѣгнувшіе* ужъ къ помоши западной науки, все-таки видѣть въ Аѳонѣ свою школу духовную, лучше всего опровергаетъ Франка.

На стр. 454-й у Франка вдругъ проскальзываєтъ необычайная и непонятная любовь къ унії: „если епархіи львовская и перемышльская почти сто лѣтъ противились унії, то можно сказать, что именно на тѣ сто лѣтъ опоздало наше развитіе“. По всему вѣроятію, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какой-то неточностью языка и стиля: во всѣхъ другихъ мѣстахъ Франко не признаетъ благодѣтельныхъ послѣдствій унії для южнорусскаго народа.

Разыскивая причины, которыя заставили Вышенского ревностно приняться за борьбу съ уніей, Франко подчеркиваетъ здѣсь вліяніе александрийскаго патріарха Мелетія Пига („Пигаса“, какъ онъ его называетъ) и сообщаетъ одну очень важную и новую данную: письмо Мелетія на Аѳонъ къ Вышенскому отъ 1596 г., въ которомъ патріархъ уговариваетъ монаха оставить Аѳонъ и пойти на Русь. Оригиналъ хранится на о—вѣ Патмосѣ, но Франко, благодаря своей неутомимой энергіи, дос-~~талъ~~—*таки* него съ копію. Письмо, на стр. 457—459, приводится

по-гречески и сопровождается малорусскимъ переводомъ (Я его, конечно, буду приводить по-русски). Для пущей вѣрности и точности перевода, Франко обратился за содѣйствіемъ къ д-ру Мильковичу. Небезынтересно посмотретьъ, какъ они вдвоемъ справились съ задачей.

Греческаго текста трогать я не стану. Тамъ есть достаточно ошибокъ, но Франко повидимому нарочно издалъ текстъ дословно, безъ всякихъ измѣненій. Малорусскій переводъ я приведу по-русски, цѣликомъ все письмо, причемъ въ скобкахъ буду помѣщать свои замѣчанія и поправки.

„Убѣжалъ и Моисей нѣкогда отъ городскихъ развлечений („разрывокъ“, διατριβѣ,—лучше было бы: „суеты“, „времяпровожденія“, срв. то же διατրибѣ на стр. 458-й, строка 7-ая), а вслѣдствіи случилось такъ, что ушелъ отъ собственнаго потомства (? ὀπερφυοῦς) и рода, но поучался (ἐμοῦστο значить „вникаль“) Божіимъ заповѣдямъ (ἐμφάσεσι собств. знач. „намеки“, „внушенія“, срв. суфійскій мистическій терминъ „ромуз“), а когда онъ возвратился (по собственному почину, что ли?) и когда самъ Богъ простеръ свою руку надъ Фараономъ, то освободилъ (ἐλευθερῳ!) сыновъ израильскихъ изъ неволи египетской“ (Вторая половина фразы переведена невѣрно, а на самомъ дѣлѣ значитъ она вотъ что: „но вникаль въ Божіи внушенія, и потому (сочетаніе здѣсь изъяснительное!) онъ возвратился, простирая руку на Фараона, на котораго простеръ руку самъ Богъ, и имѣя цѣль освободить сыновъ израильскихъ“):

„И вотъ самъ онъ подвергъ себя опасности, а бѣды („шкоды“) не было никакой (Франко думаетъ, что ἐβλάβη—сказуемое къ оѣдѣн, тогда какъ ἐβλάβη δ’ оѣдѣн значитъ: и не потерпѣлъ никакого вреда“, причемъ оѣдѣн есть вин. пад. содерянія или отношения...); и совершивши чудеса, какъ Богъ (οὐα θεός), вывелъ достойныхъ изъ среды недостойныхъ“. (Переводъ: „какъ Богъ“—можетъ вводить въ заблужденіе: это „какъ“ можетъ придавать оттѣнокъ не сравненія, а причинности. Къ тому же переводъ и не точенъ: слѣдовало бы: „какія совершаєтъ Богъ“, потому—что οὐα не нарѣчіе, а определеніе—прилагательное къ тѣратѣ).“

„Пойми эту тайну, сынъ мой (τέχνου— „чадо“) и не оставайся въ пустынѣ, живя (βιοτεύσων значить: „съ щѣлью жить“) только для себя одного, да и то, пожалуй, не вполнѣ довольный. Не порицаю я пустыни (по-гречески въ началѣ фразы стоитъ еще καὶ, которое можно перевести: „Правда, не порицаю...“ и т. д.), потому-что и самъ я ея сторонникъ, но заботясь о спасеніи близжнихъ, зову всѣхъ (совсѣмъ не „всѣхъ“, а „тебя“) въ боевые ряды сыновъ Божіихъ. Братьямъ твоимъ, проникнутымъ тою же, что и ты, заботой о святынѣ, грозить опасность отъ поляковъ. (ῳδίνες значитъ побольше, чѣмъ „забота“, а именно: „мученія“, „мучительный страхъ“, собств. даже „родильная потуга“, но уже у Гомера первоначальное значение не разъ теряется. Далѣе: род. пад. τῶν ἑρῶν относится не къ ὠδίνῳ въ придаточномъ предложеніи, а къ κινδυνεύθω въ главномъ. Παρὰ Σαυρομάθαις не значитъ „отъ поляковъ“, а „у поляковъ“, „въ Польшѣ“. Такимъ образомъ фраза должна получить слѣдующій видъ: „Братьямъ твоимъ, мучительные заботы которыхъ общи съ твоими, грозитъ въ Польшѣ опасность потерять святыни“). „Православные въ Польшѣ не получаютъ помощи (?) отъ тѣхъ, которые не заботятся о правдѣ“. (Какую же помошь должны были оказывать поляки православнымъ въ борьбѣ съ ними?! Слѣдуетъ перевести: „Православные жители Польши остаются даже безмомощными передъ людьми, мыслящими неправо“). „Нашего старанья—мало. (И точнѣе, и правильно было бы переводъ: „насъ здѣсь не достаточно“); нужно и вамъ поусердствовать для Бога-Вседержителя. Вѣдь и Илія—пустыножитель побранилъ (слишкомъ слабое выраженіе; по-греч. ἐλίγχει, pgaes. hist=, „изобличилъ“) Ахаава и избилъ жрецовъ Йезавелиныхъ. Поэтому и мы поучаемъ (по-греч. καὶ δὴ μανθάνομεν!— „Стало быть, мы знаемъ“), что Илія, предтеча евангельской благодати, одновременно съ пустынными занятіями (μετὰ τὰς ἑρήθους διατριβὰς значитъ: „послѣ пустынного времязпровожденія“) все таки не переставалъ провозглашать народамъ путь спасенія. (Здѣсь, во-¹хѣ, напрасно добавлено „все таки“, а во-²хѣ—оставлено безъ вниманія ἐμφυλοχωροῦτα, при которомъ получается переводъ: „отправился въ народъ и про-

возглашаль путь ко спасенію“)... „и даже не колебался умереть за истину. Вотъ какъ поступаютъ для угожденія Богу! И ты подражай тѣмъ дѣламъ, за которыхъ желаешь сообща съ другими получить награду (слѣдуетъ: „Подражай дѣламъ тѣхъ людей, въ наградѣ которыхъ желаешь участвовать“). Прощай! Въ Александріи. 1596-го года“. (Въ греч. текстѣ вторая цифра γ, т. е. 3. Это опечатка?).

На кого свалить вину за всѣ ошибки перевода? Должно быть, на д-ра Мильковича, къ которому обратился Франко съ просьбою участвовать въ переводѣ!

Въ виду немногочисленности современныхъ свидѣтельствъ о Вышенскомъ, письмо патріарха Мелетія является очень цѣннымъ документомъ. Разсужденія Франка о важности новаго открытия и о слѣдствіяхъ, который можно извлечь изъ него (стр. 459—461), заставляютъ забыть о неудачномъ переводе. Впрочемъ, всѣ соображенія Франка должны пасть, если гамма въ датѣ не опечатка, а дѣйствительно стоить въ оригиналѣ. Возникаетъ подозрѣніе, что письмо датировано не по обычной эрѣ, а по одной изъ другихъ эръ, употреблявшихся въ восточныхъ церквяхъ. Не мѣшаетъ также провѣрить и другія цифры въ этой датѣ.

Разсказавши, на основаніи сочиненій Вышенскаго, о его путешествіи въ Малороссію 1605 г., о его недоразумѣніяхъ съ Львовскимъ братствомъ, о его возвращеніи на Аeonъ и о его окончательномъ затворничествѣ, Франко размышляетъ о годѣ его смерти и не сомнѣвается (даже!), что если бы разсмотрѣть Аeonскіе памятники, то можно было бы разсчитать годъ смерти Вышенскаго. Ну, я въ томъ очень и очень сомнѣваюсь. Фамилій и прозвище въ помяннику не вписываются, а имя „Іванъ“ фигурируетъ на каждой страничкѣ, навѣрно, разъ пять.

На страницѣ 466-й біографія Вышенскаго кончается (далѣе слѣдуетъ характеристика). Всего мѣста біографія занимаетъ 48 страницъ (418—466),—при скучности свѣдѣній о Вышенскомъ она должна казаться колоссальной. Но, вѣдь ^{насъ}, отсюда

нужно исключить страницы, наполненные общими историко-философскими разсуждениями Франка и комментариями,—страницы очень интересные и поучительные (быть может, лучше всего рекомендующие Франка, какъ ученаго), но не имѣющія отношенія собственно къ датамъ жизни Вышенскаго. Затѣмъ нужно исключить тѣ шаткіи гипотезы, которая я постарался подчеркнуть. Послѣ такого вычитанія можетъ обнаружиться, что страницы, составляющія разность, ушли по своимъ результатамъ не очень далеко впередъ отъ той (прекрасной и удачной) статьи Франка, которая была напечатана въ 1889-мъ году. Въ самомъ дѣлѣ: какіи новыи данныхъ представлены Франкомъ теперь? Указано довольно вѣроятное вліяніе кальвиниста-Кро-вицкаго, перечислены вліянія на Вышенскаго православныя сочиненія, сообщено письмо патріарха Мелетія Пига,—и только. Все остальное—не дѣйствительныя даты, а многочисленныя гипотезы, въ замѣнѣ которыхъ можно выставить другія гипотезы, нисколько не уступающія Франковскимъ. Я такъ и сдѣлалъ, и хотя бы Франко опровергъ мои догадки, онъ этимъ все-таки не защититъ *своихъ*. Гипотезы—это сущая бѣда Франка, потому что онъ поэтъ: каждая изъ нихъ, разъ она не нарушаетъ законовъ такъ называемой идеальной дѣйствительности, въ мигъ пріобрѣтаетъ для Франка значеніе неоспоримаго факта; на этой гипотезѣ онъ строить новую, на той—опять новую, и т. д., а въ результатѣ получается не столько ученая біографія Вышенскаго, сколько исторический романъ.

Со страницей 466-й третья часть диссертациі Франка еще не кончается: осталныя страницы (466—498) посвящены характеристику проповѣдника. Франко вникаетъ въ произведенія Вышенскаго и находитъ, что они говорятъ къ намъ живымъ, энергичнымъ словомъ и даютъ намъ возможность заглянуть въ душу ихъ автора, оценить и полюбить въ немъ человѣка, писателя и патріота. Две главныи черты Вышенскаго—живое чувство и фантазія. Чувство у Вышенскаго—гуманное, благородное, деликатное, но не переходитъ въ слезливость, потому что насквозь проникнуто твердой нравственностью (стр. 466—471). По-моему, эта характеристика Вышенскаго не вполнѣ

точна. Что онъ человѣкъ чувства, это правда; что его чувство полно благородства, также правда; но особенной деликатности и мягкости я въ Вышенскомъ не вижу. Наоборотъ, его благородство—угловатое, рѣзкое; разъ онъ сознаетъ, что онъ стоитъ за дѣло правое, онъ ужъ энергично, всей душой отдается борьбѣ и держится нашей народной пословицы: „колы бытись, дакъ не мырытись“. Франко для доказательства мягкости Вышенскаго приводить тотъ фактъ, что онъ даже самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ называетъ въ спорѣ: „брать“. Это „брать“ въ употребленіи Вышенскаго соотвѣтствуетъ „братцу“ въ русской фразѣ: „Что, братецъ! Попался? А вотъ я тебѣ шею накостыляю!“ Оно соотвѣтствуетъ также „дядюшкѣ“ въ Пушкинской фразѣ: „Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ“. Еще Франко усматриваетъ у Вышенскаго „братское обращеніе съ противниками въ полемикѣ“. Можно подумать, что это горькая иронія! Да развѣ не у Вышенскаго обращенія къ еретикамъ представляютъ собою сплошное ожерелье ругательствъ!! Иногда ругательства принимаютъ у него внѣшній видъ акаѳистовъ!.. Вполнѣ правъ Франко, когда утверждаетъ, что Вышенскій, говоря о бѣдствіяхъ простого народа, обнаруживаетъ самую трогательную чувствительность,—да, вполнѣ правъ Франко! Но и тутъ мы должны нѣсколько умѣрить его восхищеніе: заступаясь за простой народъ, Вышенскій *обыкновенно* имѣеть въ виду мѣщанъ, а не „мужыкивъ та паньскихъ пидданыхъ“. Въ замѣтаніяхъ Франка относительно фантазіи Вышенскаго также можно кое-что оспаривать. Нѣкоторыѣ черты, которыѣ докторантъ считаетъ признаками фантазіи, скорѣе могутъ считаться жалкими потугами ея. Такъ, выраженія: „безотвѣтно перенести на плечѣ терпѣнія“, „отвалить надгробный камень воспоминаній“ „трупъ гордости и невѣрія на средину выволочь и оплакать“ (стр. 471)—всѣ эти цвѣтистые выраженія отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о живости фантазіи, а наоборотъ—могутъ свидѣтельствовать объ упадкѣ ея. Все это риторическій, готовый формулы, изѣзженныѣ, шаблонныѣ и потому мертвыѣ; онъ и не изобрѣтены Вышенскимъ, а просто заимствованы изъ византійскихъ образцовъ или изъ ихъ русскихъ подражаній. —

Прочі ⁷ замѣчанія Франка ⁹ о живой фантазіи у Вышенскаго, конечно, вполнѣ основательны; однако то, что мы встрѣчаемъ въ диссертациі на стр. 474—475, высматриваетъ совсѣмъ странно. Франко беретъ нѣкоторыя темы Вышенскаго и, постаравшись разыграть свои собственныя ⁹ варіаціи на каждую, увѣряетъ читателя, что это такъ говоритъ Вышенскій и что, „якъ бачымо“, это свидѣтельствуетъ о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у Вышенскаго. По-моему, „якъ бачымо“ это свидѣтельствуетъ скорѣе о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у самого Франка. Франко показываетъ намъ, что онъ сказалъ бы, если бы былъ Вышенскимъ. Большой недостатокъ у Франка въ разбираемой части характеристики—сухость изложенія. Удачны, хотя также очень сухи, замѣчанія Франка о юморѣ и ироніи Вышенскаго (у Сумцова все это гораздо лучше). Кажется, впрочемъ, что здѣсь безъ оговорокъ нельзя принять одного примѣчанія Франка на стр. 478: Вышенскій былъ *первый южнорусский писатель*, который въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ умѣньемъ воспользовался обоюдоострымъ оружіемъ юмора и ироніи¹⁰. (Конечно, выраженіе „обоюдоострый“ здѣсь не къ мѣсту, оно вовсе не означаетъ сильной степени, какъ хотѣлъ Франко, а наоборотъ указываетъ, что оружіе можетъ быть обращено противъ самого направляющаго. Ну, да это въ скобкахъ). Сказать: „первый“, быть можетъ, будетъ довольно рискованнымъ. Обличая латынинъ, Вышенскій, вѣроятно, почитывалъ сочиненія своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ. Однимъ изъ первыхъ полемистовъ противъ католицизма былъ у насъ на Руси Щеодосій Печерскій—ужъ и въ его „Словѣ о вѣрѣ латинской, или варяжской“ можно подмѣтить желаніе пользоваться оружіемъ ироніи. Также, послѣ уніатскаго Ліонскаго собора 1274-го года появилась въ Греціи полемическая сатира на Михаила Палеолога; она была переведена и на южно-славянскіе языки, и на русскій. Конечно, она и ей подобный ⁹ сочиненія внесли свою лепту вліянія въ выработкѣ общаго характера православной полемической литературы, и напр. Вышенскаго „Зачапка мудрого латинника зъ русиномъ“ представляетъ много аналогиче-

скихъ чертъ и пріемовъ съ „Преніемъ Панагіота съ Азимитомъ“ (хотя, б. м., Вышенскій и не читалъ „Пренія“). Я привелъ только два указанія на иронію и юморъ въ церковной полемикѣ, какій сразу пришли мнѣ въ голову, но если бы я былъ специалистомъ по части древнѣйшихъ русскихъ полемическихъ антикатолическихъ сочиненій, то могъ бы, вѣроятно, отмѣтить ихъ гораздо больше, и тогда, быть можетъ, обнаружилось бы, что иронія и юморъ Вышенскаго примыкаютъ къ общимъ чертамъ сичиненій его предшественниковъ.

Заканчивая, затѣмъ, характеристику Вышенскаго, Франко касается его идейной физіономіи, его убѣжденій религіозныхъ, общественныхъ и поэтическихъ. Замѣчанія Франка интересны по своей сути, но они сухи и потому блѣдны. Религіозны⁹ воззрѣнія Вышенскаго Франко характеризуетъ словами: „это очевидно дуализмъ, и притомъ съ значительной пессимистической окраской“. Проще было бы сказать здѣсь: „спиритуализмъ“; въ примѣненіи къ Вышенскому этотъ терминъ будетъ правильнѣе, чѣмъ „дуализмъ“. Напрасно Франку кажется, что дуализмъ это религія терпѣнія, униженій, тяжкихъ испытаній, что она непремѣнно связана съ ненавистью къ миру, къ тѣлу (стр. 480). Зороастрова дуалистическая религія—религія энергіи, жизни, а аскетизмъ, который возникъ въ Иранѣ въ время Сасанидовъ, есть результатъ буддійскаго, прошлаго вліянія. Не безъинтересно мнѣніе Франка, будто наївнѣшнѣго пониманія христіанства въ смыслѣ религіи любви не было въ первыхъ времена христіанства, и будто такое воззрѣніе появилось ужъ гораздо позже, подъ вліяніемъ широкой этики гуманистической. Кажется, достаточно прочитать одно четвертое евангеліе, чтобы убѣдиться въ несостоятельности подобнаго утвержденія. Можно говорить, что средневѣковые послѣдователи христіанства часто отступали въ жизни отъ предписанного духа любви, но нельзѧ говорить, что когда-либо любовь не считалась существеннымъ и основнымъ догматомъ христіанства. Франко высказываетъ свое мнѣніе, конечно, голословно. Нѣкотораго рода доказательство принципіальной „нелюбовности“ прежнихъ христіанъ онъ видитъ въ томъ, что они проповѣдывали „смиреніе и простоту“ (стр. 481). Какъ

будто смиреніе и простота несовмѣстимы съ любовью къ близ-
нимъ! Франко думаетъ, что именно несовмѣстимы. Онъ говоритъ:
„Не любить обязанъ праведникъ міръ и людей, но ненавидѣть
въ нихъ все, что не относится къ спасенію вѣчному“ (стр. 481)
Но вѣдь это со стороны Франка формалистическая игра словами, не больше. „Ненавидѣть въ ближнихъ то, что не относится къ ихъ спасенію“=„ненавидѣть то, что людямъ гибельно“=„любить людей (по =своему) и желать имъ добра“. Франко былъ бы правъ, если бы, не отвергая исконнаго *принципа любви* въ христіанствѣ, указалъ только, что *содержаніе*, а съ нимъ и практическое примѣненіе этого принципа любви въ разные вѣка было разное. Такоже формалистическая игра словами сквозитъ и въ сужденіяхъ Франка объ аскетизмѣ; можно оспаривать *цѣлесообразность* аскетизма (самоистязаніе ради міра и непрестанное моленіе и сокрушеніе о мірѣ), но не спра-
ведливо будетъ отрицать въ христіанскомъ аскетизмѣ даже са-
мый *мотивъ любви*: вѣдь монахъ думаетъ, что его служба са-
мая полезная для людей. Формалистическая игра словами обна-
руживается у Франка также въ злоупотреблениіи терминомъ
„любовь“: онъ смѣшиваетъ *агапѣ* и *эрөс*.

Въ общественныхъ идеалахъ, во взглядахъ на обществен-
ное устройство Вышенскій доходилъ, особенно въ началѣ
дѣятельности, просто до нигилизма: онъ отрицалъ общество и
требовалъ поголовного аскетизма. Только въ послѣдствіи, на
недолгое время, онъ сдѣлалъ было значительныя уступки перво-
начальному принципу. Но слишкомъ рѣшительно и слишкомъ
рѣзко заявляетъ Франко, будто даже „взгляда, что основой
общественной организаціи является трудъ и рабочіе слои, мы
не видимъ у нашего автора *ни слѣда*; онъ знаетъ только одинъ
родъ труда—аскетической подвигъ, а производительный трудъ
для него суeta“ (стр. 485). Неужели такъ-таки „ни слѣда“?
И гдѣ это есть на свѣтѣ такое христіанско монашество, ко-
торое вслїкій трудъ называло бы суетою? Вѣдь, небось, и въ мо-
настырскіе уставы трудъ включенъ? Вѣдь даже затворники
что-нибудь работаютъ?

Нѣтоторыи уступки во взглядахъ Вышенскаго были имъ сдѣланы, между прочимъ, по отношенію къ школѣ и наукѣ: онъ чувствовалъ, что безъ просвѣщенія слабѣеть защита православія. Но западную науку, съ еї Платонами и Аристотелями, онъ отвергалъ. „Правда, авторъ нашъ находился здѣсь въ положеніи, довольно похожемъ на то, въ какомъ находился папа Иннокентій III, когда декретировалъ гибель альbigойцамъ, не зная въ точности, каковы были ихъ взгляды и вѣрованія“ (стр. 486). Къ чѣму здѣсь это сравненіе? Оно вовсе не близкое и дѣла не поясняетъ. Въ смыслѣ политическихъ идеаловъ Вышенскій былъ очень мало развитъ. „Иногда онъ предлагается политическій сепаратизмъ отъ Польши, но сепаратизмъ этотъ долженъ быть какимъ-то пассивнымъ, а о дѣятельномъ противодѣйствіи, о сопротивленіи властямъ, о борьбѣ со „слугами дьявола“, до какой дошли нѣкоторыи *аскетической* секты въ Россіи, у Вышенскаго нѣтъ и помину“ (стр. 487). Франко, какъ видно, смѣшиваетъ аскетизмъ и мистицизмъ. Возникаетъ еще вопросъ: „Почему при своей любви къ малорусскому языку Вышенскій запрецталъ переводить на этотъ языкъ церковныи книги? Не видѣлъ ли онъ въ этомъ профанациіи богослуженія? Не доказывается ли это запрещеніе, что онъ все-таки считалъ малорусскій языкъ не вполнѣ достойнымъ?!“. Франко даетъ на все это рядъ отвѣтовъ, изъ которыхъ становится ясно, что Вышенскій вѣдь не могъ порвать связей съ вѣковой церковной традиціей, освятившей церковнославянскій языкъ, равно какъ не могъ порвать связи съ остальными православными народами, особенно въ такую минуту, когда нужно было разыскивать вездѣ-вездѣ средства для защиты православія; измѣнить богослужебный языкъ и значило порвать объединяющее звено православныхъ народовъ, а сверхъ того простонародный переводъ евангелія могъ грозить даже опасностью чистотѣ православія. Неправильно только уясняетъ себѣ эту опасность Франко: по его мнѣнію переводъ евангелія на простонародный языкъ опаснымъ казался бы потому, что „это было бы подражаніе протестантизму, который, какъ извѣстно, ввелъ языки народные въ богослуженіе, да и у насъ началъ свою пропаганду переводами священ-

наго писанія на языке, довольно близкій къ народному, срв. Скорину, Будного, Тяпинское евангелие, Негалевскаго (стр. 497)¹. Прежде всякихъ споровъ о протестантизмѣ сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе, что Невгалевскаго, не „Негалевскаго“, можно было бы и не помѣщать въ списокъ, потому что его евангелие очень ужъ позднее: 1681-го года! Далѣе, замѣтимъ, что нужно ставить некоторый знакъ вопроса надъ тѣмъ тезисомъ, будто народный языкъ въ священныхъ книгахъ есть плодъ только протестантской пропаганды: озвѣ систематически сталъ вторгаться въ письменную рѣчь съ самого начала нашей письменности, самъ собою, въ силу естественнаго давленія національности писцовъ, а протестантизмъ могъ только ускорить ходъ этого естественнаго, но медленнаго вторженія. Поэтому я не думаю, чтобы у Вышенскаго и его современниковъ народный языкъ священнаго писанія ассоціировался съ представлениемъ о протестантизмѣ¹). Но если бы даже и ассоціировался, то протестантизмъ въ началѣ 17-го вѣка не могъ внушать страха православнымъ: очень ужъ онъ былъ въ то время на Руси слабъ. Переводить священные книги опасно было не въ виду протестантизма, а въ виду грознаго католицизма. Вотъ что говорили тогда: „Прекладаніемъ зъ давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу“ (Житецкій: „Оч. ист. малорусск. нарѣч. въ XVII-XVIII в.“, стр. 3). Эти „помылки“ грозили породить рядъ ересяй, грозили внести смятеніе въ ряды защитниковъ православія въ борьбѣ съ католицизмомъ.

Уяснившись себѣ отказъ Вышенскаго ввести южно-русскій языкъ въ священные книги, намъ предстоитъ еще решить вопросъ: почему же Вышенскій, который признавалъ важность народнаго языка, самъ не писалъ вполнѣ „простою мовою“, а писалъ какой-то хаотической смѣсью, язычіемъ? Сперва Франко какъ будто пытается разрѣшить недоумѣніе очень простымъ способомъ: онъ какъ-будто хочетъ отвергнуть или, по

¹) Самъ же Франко на стр. 381-й говорилъ, что православные ввели народный языкъ въ церковь для отпора протестантизму: значитъ, не боялись, что такой языкъ обратить ихъ въ протестантовъ!

крайней мѣрѣ, затушевать фактъ, что у Вышенскаго рѣчъ не простонародная. Онъ заявляетъ, что сочиненія Вышенскаго прекрасный материалъ для изученія живой малорусской рѣчи 16-17 вв., потому-что (сдр. 492) „въ дѣлѣ языка Вышенскій былъ менѣе всего зависимъ отъ какихъ-нибудь теорій, а руководился живымъ чувствомъ . . . Да и откуда онъ могъ набраться филологическихъ теорій, онъ, мало ученый въ школахъ??“. (Раньше какъ мы видѣли, Франко, желая поселить Вышенскаго при дворѣ князя Острожскаго, старался было поднять уровень его образования). Но дальше Франко принужденъ сознаться, что на практикѣ Вышенскій вѣсколько отступалъ отъ выраженнаго имъ принципа. Причина заключается въ томъ, что даже маленькая школа какъ-ни-какъ, а все же должна была внушить ему известныи стилистической теоріи и пріучить къ мысли, что совсѣмъ безъ славянскихъ элементовъ письменная рѣчъ невозможна; позднѣйшее чтеніе книгъ и борьба съ латынниками, издѣвавшимися надъ славянскимъ языкомъ, еще болѣе укрѣпили Вышенскаго въ этой теоріи. Къ этимъ соображеніямъ я бы добавилъ (и считаю это важнымъ), что жизнь на Аѳонѣ, вдали отъ родины, также должна была имѣть вліяніе на стиль рѣчи Вышенскаго.

Въ особенно детальный разборъ лексического и этимологическаго состава литературной рѣчи Вышенскаго Франко не вдается теперь, обѣщаю возвратиться къ этому предмету вно-слѣдствіи: очевидно, при второмъ изданіи своей диссертациі. Все-таки и теперь можно подмѣтить, что его представленія о ходѣ историческаго развитія народныхъ элементовъ въ южно-русскомъ языкѣ стоять на срединѣ между взглядами П. И. Житецкаго и его критика Кочубинскаго, который отрицаетъ внезапное вторженіе народнаго малорусского элемента въ литературную рѣчъ 16-го вѣка подъ вліяніемъ реформатскимъ, а усматриваетъ здѣсь плодъ дѣйствія постепенной и непрерывной исторической традиціи.

Разставаясь съ третьей частью диссертациі Франка, которую я разсматривалъ не всю, а только въ слабыхъ или не вполнѣ развитыхъ или недоговоренныхъ частяхъ ея, я хочу остановиться на нѣсколькихъ прекрасныхъ страницахъ той же третьей части,

увлекательныхъ и прочувствованныхъ. Начинаются онъ, впрочемъ, вовсе не прекрасно. Франко хочетъ выяснить вопросъ, почему Вышенскій, такъ охотно воскрешенный въ XIX вѣкѣ, былъ легко забытъ въ XVII вѣкѣ, и вотъ на первомъ мѣстѣ (!!) Франко указываетъ какъ причину забвенія то обстоятельство, виѣшнее и случайное, что Вышенскій „имѣлъ особенный даръ оттолкнуть отъ себя всякаго мецената“ (стр. 490)! Доводъ слишкомъ слабый, чтобы выставлять его на первое мѣсто, а притомъ и сомнительный: письмо Вышенскаго къ князю Михаилу Вишневецкому (Арх. Ю.-З. Р., VII, 37) лучше всего опровергаетъ Франка, да и посланіе къ князю Острожскому содержитъ въ себѣ комплименты по адресу князя. На второмъ мѣстѣ (только на второмъ!) Франко выставляетъ какъ причину забвенія Вышенскаго то обстоятельство (второстепенное??), что южно-русская жизнь пошла другимъ путемъ: аскетическіе идеалы Вышенскаго оказались непригодными, и хотя его методъ (искать защиты вѣры у простого народа и обращаться къ нему на родномъ языке) былъ усвоенъ и разработанъ послѣдующими поколѣніями, но самого-то автора—забыли; все это гораздо лучше и обстоятельнѣе было изложено Франкомъ въ его прежней статьѣ („Кіевск. Стар.“, 1889, апр.), чѣмъ въ нынѣшней диссертациіи. + „Но“, — продолжаетъ Франко, — въ наше время Вышенскій вновь обрѣтенъ; и это не простой случай, что именно ему посвящается столько специальныхъ трудовъ въ наше время, алчущее и жаждущее высокаго идеала нравственнаго и общественнаго, среди современнаго поколѣнія, которое желало бы вырваться изъ ученої пыли и изъ горячки переутомленныхъ и разстроенныхъ первовъ на вольный свѣтъ, въ свѣжую, здоровую атмосферу, къ людямъ сильнымъ по характеру, общественнымъ по природѣ, способнымъ къ сильной любви и къ сильной ненависти, энергичнымъ и рѣшительнымъ въ добрѣ или злѣ. Намъ, измельчавшимъ эпигонамъ, дороги такие люди, какъ образчикъ болѣе сильной, болѣе здоровой породы. Мы видимъ ихъ недостатки и ошибки, но въ то же время чувствуемъ въ нихъ силу и энергию, которая насъ освѣжаетъ, словно лѣтомъ въ страдную пору студеная вода. И какъ писатель, Вышенскій является намъ фигу-

рой необычайной, сильной, а въ сравненіи съ другими современными малорусскими писателями—оригинальной. Особенно привлекаетъ насъ свѣжесть его красокъ, непосредственность выраженія и чувства, пластика картинъ, однимъ словомъ все то, что въ письменныхъ произведеніяхъ есть выраженіе сильной, высоко симпатичной индивидуальности автора. Не полемистъ, не догматикъ и не мыслитель, но человѣкъ, моралистъ и поэтъ, Вышенскій цѣненъ и симпатиченъ для насъ, и, какъ таковой, онъ всегда будель занимать почетное мѣсто въ южно-русской литературѣ, тѣмъ болѣе почетное, что онъ—одинъ изъ отцевъ и творцовъ народной южно-русской литературы“ (стр, 493). Можно было бы возразить кое-что противъ достоинства „сильной ненависти“ и „рѣшительности въ добрѣ или зле“, но жаль ослаблять впечатлѣніе этого горячаго лирическаго мѣста, и потому: „Аминь!“ скажемъ мы.

А. Брынскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ.

(Окончаніе¹).

Теперь перехожу ко 2-й части Франковскаго сочиненія: разбору произведеній Вышенскаго въ ихъ хронологическомъ порядке. Эта часть—самая капитальная въ книгѣ Франка, и по содержанію, и по объему. Но я положительно не понимаю, что заставило Франка помѣстить ее раньше, а не послѣ біографіи Вышенскаго.

Вѣдь какую цѣль преслѣдовалъ Франко, работая надъ 2-й частью своей диссертаци?—Онъ хотѣлъ установить хронологическую послѣдовательность произведеній Вышенскаго.—Хорошо. Но зачѣмъ ему это?—Затѣмъ, что, установивши хронологію произведеній Вышенскаго, мы можемъ наблюдать, какъ постепенно формируется духовный обликъ писателя,—можемъ установить „внутришню діалектику розвою“.—Цѣль благая. Но какими же средствами мы опредѣлимъ дату составленія того или другого сочиненія писателя?—Посторонними свидѣтельствами да намеками, заключенными въ сочиненіяхъ самого писателя, на известные исторические факты, на какія-нибудь печатныя книги и т. п. Франко обыкновенно такимъ способомъ и опредѣляетъ хронологію сочиненій Вышенскаго; но когда постороннихъ свидѣтельствъ и т. п., осознательныхъ данныхъ у него не хватаетъ, онъ бросается въ логической кругъ, дѣйствуя слѣдующимъ прі-

¹) См. „Кiev. Стар“ 1895 г., № 9.

емомъ: произвольно, силою собственной фантазии, онъ начертываетъ себѣ тотъ путь или программу, по которому въ теченіе многихъ лѣтъ шли и развивались убѣжденія Вышенскаго, и вотъ затѣмъ на основаніи своего заранѣе сдѣланнаго психическаго построенія (не достовѣрнаго, а только въ лучшемъ случаѣ вѣроятнаго) онъ ужъ легко назначаетъ дату составленія для того или другого памятника; — „такое-то произведеніе“, говорить онъ, „не соотвѣтствуетъ (придуманному мной) настроенію Вышенскаго въ такіе-то годы его жизни, — оно соотвѣтствуетъ настроенію такого-то болѣе раннаго періода“. Потомъ, въ 3-й части диссертациіи, Франку приходится дать намъ біографію Вышенскаго и его характеристику (т. е. біографію его мысли); и вотъ здѣсь Франко исполняетъ предложенную задачу, опираясь на ту послѣдовательность всѣхъ произведеній Вышенскаго, какую установилъ во 2-й части. Конечно, въ результатѣ получается въ 3-й части какъ разъ тотъ обликъ Вышенскаго и какъ разъ то движеніе его идеаловъ, какое Франко придумалъ раньше, во 2-й части, но вѣдь это — опредѣленіе неизвѣстнаго посредствомъ неизвѣстнаго же: вторая часть строится на основаніи третьей, а третья на основаніи второй! Это крупная логическая ошибка со стороны Франка; изъ-за нея 3-я часть диссертациіи (біографія и характеристика Вышенскаго) лишилась надлежащей цѣлности, и потому-то я не считалъ нужнымъ держаться при разборѣ диссертациіи того порядка, котораго держится авторъ: я разобралъ сначала 3-ю часть, а ужъ потомъ перехожу ко 2-ой.

Не смотря на ея громадный объемъ (стр. 77—416), мнѣ придется о ней сказать сравнительно гораздо меньше, чѣмъ о третьей части, такъ какъ она спорныхъ и невыясненныхъ пунктовъ представляетъ гораздо меньше, а вѣдь я только ихъ и касаюсь.

Попытка разсортовать сочиненія Вышенскаго хронологически ужъ была сдѣлана и до Франка И. П. Житецкимъ (въ „Кіевск. Стар.“ 1890, іюнь). Франко увѣряетъ, что таблица Житецкаго „зовсімъ арбитральна“ и вичѣмъ не мотивирована. Ну, на счетъ *полнѣшаго* отсутствія мотивировки у Житецкаго говорить нельзѧ: у Житецкаго такъ же, какъ и у

Франка, она есть, хотя, конечно, у Франка она несравненно обстоятельнее и резоннее. Причемъ, если мы сличимъ таблицу Франка съ таблицей Житецкаго, то увидимъ, что въ сути-то онъ обѣ очень близки между собою. Главныя произведенія Вышенскаго, дату составленія которыхъ можно опредѣлить съ несомнѣнной точностью, очевидно помѣщены обоими изслѣдователями на одинаковомъ мѣстѣ; разногласіе касается *преимущественно* тѣхъ сочиненій, дата которыхъ опредѣляется путемъ психологіи,—но известно, какой это шаткій и невѣрный путь—психологія.

Всѣхъ сочиненій Вышенскаго дошло до насъ восемнадцать. Разсмотримъ ихъ въ томъ же порядкѣ, что и Франко.

№ 1. *Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама* (стр. 79). Это сочиненіе Франко помѣщаетъ между 1576—1580 гг. Оправдывается пословица, что первый блинъ комомъ. На „Новинѣ“ даты никакой нѣтъ. Что это за Варлаамъ, архіепископъ Охридскій, и когда онъ жилъ, мы также ничего не знаемъ. По мнѣнію Франка, заглавіе „Новина“ указываетъ на то, что сочиненіе написано вскорѣ послѣ убіенія Варлаама (такимъ образомъ, вместо двухъ неизвѣстныхъ у насъ было-бы только одно). Но вѣдь „новина“ можетъ означать просто „novella“, т. е. повѣсть (въ другомъ мѣстѣ на стр. 230, объ этомъ говорить и самъ Франко), и т. о. заглавіе это не указываетъ на какую-то недавнюю новость. Упустивши изъ виду это обстоятельство, Франко ищетъ Варлаама въ спискѣ архіепископовъ Охридскихъ конца 16-го вѣка. На томъ основаніи, что обѣ архіепископахъ Охридскихъ, бывшихъ между 1574—1580 годамъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, Франко догадывается, что въ это время былъ здѣсь владыко Варлаамъ. А Голубинскій („Кратк. оч. исторіи правосл. церкви болг., серб. и румынскай“ М. 1871) предполагаетъ, что тогда архіепископъ былъ въ Охридѣ Гавріиль! Повѣримъ однако не Голубинскому, а Франку, повѣримъ для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшій ходъ его доказательствъ. Сперва зададимъ вопросъ: въ какoj же именно изъ годовъ 1574—1580 Варлаамъ сталъ архіепископомъ въ Охридѣ? Франко избѣгаетъ дать точный отвѣтъ на

это и, вместо того, предлагаетъ намъ новую гипотезу, что архіепископство Варлаамово длилось очень недолго: вскорѣ, отроятно его прогнали съ каѳедры. Хотя и на это Франко не представляетъ никакихъ доказательствъ, но я опять постараюсь повѣрить ему, чтобы опять предложить вопросъ: но *коїда же именно* его прогнали? вѣдь если вдругъ окажется, что онъ былъ прогнанъ какъ разъ около 1581-го года, то Франко никакъ не распутается среди сложныхъ узловъ своихъ предположеній. Дѣло вотъ въ чёмъ. По „Новинѣ“, Варлаамъ изъ Охриды отправился еще въ Велесъ, и ужъ тамъ его убили; при этомъ мы не знаемъ, долго ли онъ тамъ прожилъ, вскорѣ ли его убили послѣ его прихода въ Велесъ, или спустя очень долгое время. Франко наудачу считаетъ нужнымъ предположить, что вскорѣ. Ничто намъ не ручается, что какой-нибудь новооткрытый документъ не возвѣститъ намъ о цѣлыхъ десяти-двадцати годахъ безмятежнаго пребыванія Варлаама въ Велесѣ, но повѣримъ-те опять Франку и посмотримъ, что будетъ дальше. „Новина“ ясно говоритъ, что послѣ убіенія Варлаама прошелъ цѣлый еще годъ, пока тѣло его стало творить чудеса („Кіевск. Стар.“ 1890, іюнь, прилож. стр. 117). Если Варлаамъ ушелъ изъ Охриды въ 1581-мъ году, то чудеса могутъ относиться не раньше, какъ къ 1582-му году. Потомъ начались переговоры съ турецкими кадыями касательно перенесенія мощей Варлаама въ Охриду, продолжались они также нѣкое время... Нѣть! Франку ни за что не удастся пріурочить возвращеніе мощей Варлаама въ Охридѣ къ 1578-му году, т. е. къ тому времени, когда Вышенскій, по разсчету Франка (въ 3-й части диссертациі) поѣхалъ на Аeonъ и проѣзжалъ черезъ Охриду. Не стоило и нагромождать кучу гипотезъ на гипотезѣ! не стоило понапрасну дискредитировать себя въ глазахъ читателя!—Вспомнить нужно, что ради той-же „Новины“ Франку пришлось сдѣлать еще одну гипотезу, просто чудовищную: онъ, какъ я ужъ упоминалъ, погналъ Вышенского на Аeonъ какой-то курьезной дорогой,— лишь бы привести его въ Охриду!—Между тѣмъ оказывается, что изъ-за такого произведенія, какъ „Новина“, не стоило и вовсе хлопотать да входить въ неудобныя сдѣлки съ логикой:

вѣдь „Новина“ Вышенскимъ не составлена (онъ даже не под-
писалъ своего имени подъ ней), а просто переписана. Кое-что
о „Новинѣ“ сказано у Голубева въ „Объяснительныхъ па-
граffахъ по ист. зап.-русск. церкви“ (К. 1893, стр. 40). Голу-
бевъ находитъ, что авторскія права Иоанна Вышенского по от-
ношенню къ упомянутому произведенію, „кажется, должны
быть значительно ограничены“.—„Мы думаемъ“, продолжаетъ
Голубевъ, что Новина есть ничто иное, какъ сдѣланное Вышен-
скимъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго, въ то время ходившаго
по рукамъ житія и прославленія архіепископа Варлаама. Что
это произведеніе въ существенныхъ чертахъ принадлежить не
Вышенскому,—достаточно указать на слогъ его (не исключая
конечныхъ строкъ); что это именно извлеченіе изъ болѣе подроб-
наго житія,—достаточно привести начальную строку Новины:
„По убиеніи убо и вверженіи въ рѣку Вардаръ блаженнаго
онаго отца и проч.“ Не понятно, почему Голубевъ осторожно
добавляетъ: „кажется“. Стоитъ бросить даже бѣглый взглядъ
на „Новину“, чтобы увидѣть въ ней слогъ не Вышенского:
здесь смѣясь церковно-славянщины и новоболгарщины. И Франко
сознаетъ оба эти элемента, но видитъ въ нихъ только вящшее
подтвержденіе для своей догадки о 1576—1580 годѣ. Коснемся
сперва новоболгарскихъ элементовъ. Ихъ присутствіе Франко
толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Вышенскій написалъ свою „Но-
вину“ по устнымъ разсказамъ Охридянъ. А по моему мнѣнію,
это естественно свидѣтельствуетъ только о томъ, что „Но-
вину“ или пространное „Житіе Варлаама“, составлялъ болга-
ринъ, м. б., одинъ изъ жителей Охриды. Франко, впрочемъ, не
позаботился о томъ, чтобы представить читателю образцы ново-
болгаризмовъ, встрѣчающихся въ „Новинѣ“: всѣ приведенные
имъ примѣры (кромѣ одного) вовсе не идутъ къ дѣлу. Вотъ тѣ
„новоболгарскія слова и формы, которыя не употреблялись на
Руси“, по словамъ Франка (стр. 82):

„*Шицъ*—perturbatio“. Возражу на это, что въ съверно-
русскомъ прологѣ подъ 12-мъ февраля мы читаемъ. „Даде ему царь
ярлыкъ свой, да свободно отъ всѣхъ плищай и попеченій клирицы
и монахи живутъ“ (Лѣтоп. Русск. Литер.“ кн. 6-ая стр. 64).

На немъ же видъ птицъ бѣлъ—тутъ есть и слово *птицъ* (вм. *птица*) не *русское* и не церковно-славянское, и несклоняемый винительный, свойственный новому болгарскому языку".—Что касается такихъ формъ, какъ „*птицъ*“, „*птичицъ*“¹⁾, „*львицъ*“, „*козлицъ*“ и т. п., то это вполнѣ обычная форма прежней литературной рѣчи всѣхъ православныхъ славянъ. Срв. Срезневского: „*Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и мало извѣстныхъ памятникахъ*“ 1879, стр. 51. Кажется, что древне-русское „*птичъ*“, встрѣчаемое въ Словѣ о Полку Игоревѣ, должно быть отнесено сюда же (говорю: „*кажется*“, потому-что существуетъ и иное объясненіе). А „*неклоняемый винительный*“ („*птицъ бѣлъ*“), какъ его называетъ Франко, вовсе не представляетъ собой новоболгарского т. н. „*косвенника*“: это обыкновенный винительный падежъ мужск. р. ероваго склоненія, который въ церковно-славянскомъ, и въ живомъ древне-русскомъ языке былъ всегда сходенъ съ именительнымъ падежомъ, даже для предметовъ одушевленныхъ.

„*Въ образѣ орла*—вм. въ. образъ орла“.—Въ чёмъ же здѣсь новоболгаризмъ? Можно здѣсь усмотреть латинизмъ, гречизмъ, но только не новоболгаризмъ.

„*Вноситъ въ село то тайно*—употребленъ болгарскій членъ“. Единственный правильно приведенный примѣръ.

„*Сирамахъ*—слово болгарское“. А малорусское „*сиромаха*“?

Больше примѣровъ на новоболгаризмы у Франка нѣть. Обратимся теперь къ церковно-славянскимъ примѣсямъ „*Новины*“. Ихъ присутствіе заставляетъ Франка отнести „*Новину*“ къ числу самыхъ первыхъ, раннихъ произведеній Вышенского: „это стиль и языки невыработанные, шаблонные, не похожіе на стиль и языки болѣе позднихъ произведеній нашего автора (стр. 81)“. Странное представление о постепенной выработкѣ языка у древнихъ русскихъ литераторовъ! Неужели Вышенскій вначалѣ, только-что вышедши изъ міра, выражался съ большей примѣсью церковно-славянскихъ словъ и выражений, чѣмъ

¹⁾ Въ той же „*Новинѣ*“ есть и „*птичицъ*“, во въ изданіи Игн. Житецкаго стоять „*птичиницъ*“ (стр. 11). Повидимому, это ошибка типографа, а не издателя.

потомъ, поживши на Аеонѣ и занявши спѣциально духовнымъ чтеніемъ? Вторая половина замѣчанія Франка („непохоже на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній“) также не правильна. Конечно, Вышенскій не научился писать настоящей церковно-славяниной, его языкъ всегда оставался довольно живымъ, но у него есть одно произведеніе, гдѣ встрѣчается на нѣсколькихъ страницахъ такой же тяжелый стиль и языкъ, какъ и въ „Новинѣ“: я говорю о „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ“ (Порфирий: „Востокъ Христіанскій“, прилож., стр. 1043 и сл.). Цѣлое посланіе—одно изъ наиболѣе живыхъ, но вставленный въ него разсказъ о чудѣ во времена Михаила Палеолога изложенъ старославянскимъ языкомъ. И я думаю, что это сходство съ „Новиною“—не случайное. Вышенскій тогда имѣлъ наклонность популяризовать православныя болѣе новыя чудеса (срв. дисс. Франка, стр. 229), и мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что переписка „Новины“ имѣла мѣсто около того же времени, когда составлено „Писаніе къ епископомъ“, т. е. приблизительно около 1598-го года. Въ собственноручномъ спискѣ своихъ произведеній Вышенскій помѣстилъ „Новину“ на послѣднѣмъ мѣстѣ („Кiev. Стар.“ 1889, апр., прилож., стр. 28). Напрасно Франко отказывается видѣть въ этомъ спискѣ вполнѣ отсутствіе хронологической послѣдовательности.

№ 2. Слово къ постыженію и изученію художества, приводящаго къ вполнѣйшей правде (стр. 87—88). Что думаетъ объ этомъ произведеніи Франко, я скажу послѣ, а сперва посмотрю самъ, что такое представляетъ собою этотъ „Слѣдъ“. Первая его половина содержитъ исчисленіе шести правилъ, соблюденіе которыхъ приводить человѣка ко блаженству; а во второй половинѣ сказано, что всѣ иные пути къ блаженству не годны, и потому жестоко заблуждаются латыни, полагаясь на свои „внѣшнія ученія“, „философскія виченія“, „грамматичку“ и „раторичку“. Правила, преподаваемыя Вышенскими (см. текстъ въ „Кiev. Стар.“ 1889, апр., прил., стр. 114—115), предназначаются не для однихъ монаховъ, но вообще для всѣхъ православныхъ христіанъ. А послѣднее изъ нихъ (шестое)—иди смѣ-

лѣ въ борьбу съ неправдою, не боясь никакихъ мученій и смерти,—касаться монаховъ даже не можетъ: они вѣдь отщелись отъ міра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это произведеніе составлено Вышенскимъ для православныхъ русиновъ съ тою цѣлью, чтобы поддержать ихъ мужество въ борьбѣ за вѣру и предложить имъ вмѣсто „грамматичекъ и риторичекъ“ какое-нибудь другое руководство. (Такую цѣль Вышенскій не разъ преслѣдовалъ). Когда же составленъ этотъ „Слѣдъ“? Конечно, сразу ясно, что составленъ онъ въ разгарѣ борьбы съ латинствомъ. Но когда именно? Голубевъ („Объяснит. параграфы и т. д.“) считаетъ „Слѣдъ“ за приложеніе къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, но доказательствъ и мотивировки не приводитъ вовсе. Положимъ, „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ писалось Вышенскимъ въ опасную для православія минуту, послѣ попытки ввести въ православную церковь латинскій календарь, такъ-что шестое правило „Слѣда“ ужъ имѣло бы тогда нѣкоторый смыслъ; самое мѣсто, которое занимаетъ „Слѣдъ“ въ собственномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, позволяетъ думать, что „Слѣдъ“ могъ быть приложеніемъ къ „Извѣщенію“. Но мнѣ все таки кажется, что эпоха введенія католическаго календаря (т. е. конецъ 80-хъ годовъ XVI в.) не была еще такимъ грознымъ временемъ для православія, чтобы рѣчь шла *даже о смерти за вѣру*¹⁾. Я болѣе склоненъ думать, что Вышенскій говоритъ въ „Слѣдѣ“ о болѣе позднемъ времени: послѣ введенія уни. И точнѣе могу сказать: „Слѣдъ“, должно быть, написанъ въ одно время съ „Зачапкой“. Въ „Зачапкѣ“ восхваляется греческая вѣра, давшая Руси „слѣдъ, ведущій въ животъ“ (срав. заглавіе разбираемаго произведенія); см. текстъ „Зачапки“ въ изданіи Голубева, стр. 92. Далѣе въ „Зачапкѣ“ говорится, что истинная церковь должна страдать, и *сейчасъ-же* затѣмъ говорится, что проклята та церковь, гдѣ вмѣсто евангелия—поганская наука („Зач.“, ст. 102): тотъ же порядокъ мыслей, что и въ „Слѣдѣ“! Западная наука называется въ „За-

¹⁾ Въ этомъ пункте я соглашаюсь съ Франкомъ, который, при разборѣ „Извѣщенія“, прекрасно доказалъ, что нельзя переносить польскихъ порядковъ 17-го вѣка въ 16-й вѣкъ, до введенія уни.

чапкѣ“ надворной, т. е. виѣшній: въ „Слѣдѣ“ нападки на „виѣшнія ученія“. Въ „Зачапкѣ“ Вышенскій возстаетъ противъ „лживое діалектики“, „велерѣчивое риторики“, філософіи: чуть ли не тѣ же слова, что и въ „Слѣдѣ“. По моему, есть достаточно добрыхъ основаній—предположить, что „Слѣдѣ“ составляеть или введеніе, или приложеніе къ „Зачапкѣ“, и, значитъ, написанъ около того же 1607-го года. Не есть ли эта одна изъ трехъ „цвѣточекъ“, упоминаемыхъ въ „Зачапкѣ“?¹⁾). Можетъ быть, это—предисловіе къ „Древу“?

Во всемъ вышесказанномъ найдется, конечно, кое-что гипотетическое, и я далекъ отъ мысли укорять Франка, что онъ не додумался до тѣхъ же гипотезъ, до какихъ я. Но Франко заслуживаетъ укора за другое: отъ его вниманія ускользнули вполнѣ реальная, ощущительная данная,—и во всемъ виновата его страсть дѣлать психологическія построенія! Показалось ему, что „Слѣдѣ“ излагаетъ главные принципы жизни монашеской,—и вотъ сейчасъ же фантазія нарисовала ему картину: Вышенскій недавно пришелъ на Аeonъ; онъ начинаетъ втягиваться въ мѣстную аскетическую жизнь; онъ почитываетъ различные сочиненія святыхъ подвижниковъ и размышляетъ о сути иноческаго житія; для лучшаго запоминанія онъ составляетъ себѣ конспектъ главныхъ принциповъ аскетизма. Зачѣмъ къ этому же краткому конспекту Вышенскій присоединяетъ полемическую выходку противъ грамматики и реторики (о которыхъ, къ слову сказать, онъ въ мірѣ врядъ ли имѣлъ много свѣдѣній), Франко не объясняетъ, да этотъ вопросъ его и не интересуетъ... Я ужъ показалъ выше, что „Слѣдѣ“ писанъ Вышенскимъ не для себя, а для другихъ, т. е. что это не лирическое изліяніе, а поучительное посланіе. Но если бъ мы даже согласились на ми-

¹⁾ Отправляя „Зачапку“ на Русь, Вышенскій написалъ, что одновременно онъ посыпаетъ для земляковъ „три цвѣточки“: 1) Древо зовомое разумное, філософія не логанскаго учителя Аристогета, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть; 3) Маленьку пѣсеньку церковную, которую зразумѣвшіи благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ („Зач.“, изд. Голубевымъ, стр. 74). Всѣ три сочиненія не отысканы.

нуту съ невозможнымъ заявленіемъ Франка, что „Слѣдъ“—это конспектъ, и задались вопросомъ о времени его составленія, то все таки мы могли бы прійти къ иному выводу, чѣмъ Франко. Въ самомъ дѣлѣ: почему это монахъ, по мнѣнію Франка, можетъ писать конспектъ своихъ обязанностей только въ первое время своего поступленія въ монастырь?? Вѣдь ничто не препятствуетъ намъ нарисовать себѣ такую картину: проповѣдникъ Вышенскій оскорблена нападками противниковъ на его мнимую трусость и неученость (упреки въ трусости мы встрѣчаемъ около 1598-го года, и они затрагивали Вышенскаго за живое), онъ рѣшаетъ пристыдить противниковъ и посылаетъ на Русь „Слѣдъ“, какъ девизъ своей готовности умереть за правду, и сюда же присоединяетъ замѣчаніе по адресу „грамматичекъ“ и „рыторичекъ“. Недурна также слѣдующая картина: сначала у Вышенскаго, дѣйствительно, не было гражданской доблести; ему это непріятно; чтобы возбудить себя къ мужеству, онъ составляетъ для себя конспектъ своихъ обязанностей; происходитъ это, положимъ, въ первыхъ годахъ 17-го вѣка. При извѣстной живости фантазіи не можетъ быть недостатка и за многими другими картинами, построенными на основаніи психологическихъ догадокъ; всѣ онъ будутъ столь же основательны (или, если угодно, столь же беспочвенные), какъ и Франковская.

№ 3. Обличеніе діавола міродержуца (стр. 90—99). Франко относитъ это сочиненіе къ началу 80-хъ годовъ XVI-го в., т. е. къ тому моменту, когда Іоаннъ стоялъ на рубежѣ міра и отреченія отъ міра. Основанія—опять психологическая, и на этотъ разъ они изложены до того поэтически-соблазнительно и до того увлекательно, что читателя (по крайней мѣрѣ меня) они подкупаютъ; мы положительно жалко поднимать грубую, критическую руку на граціозное сооруженіе Франка. Вотъ что онъ пишетъ: „Это сочиненіе насквозь проникнуто горячимъ чувствомъ, оно—какъ бы исповѣдь самого автора, но высказанная въ поэтической, общей формѣ. Я вижу здѣсь результатъ той внутренней борьбы, какую естественно долженъ былъ испытать живой и пылкій умъ нашего автора при рѣзкомъ переходѣ отъ жизни мірской къ жизни аскетическо-монашеской. Среди тишины и уединенія Аѳона

предъ нимъ возникали искушения и соблазны свѣтской жизни, возникали картины всего того, что онъ пережилъ и покинулъ, раздавались, б. м., голоса дорогихъ ему людей, призывая его къ общему труду, къ взаимной помощи. Но, должно быть, великую чашу разочарованій, горечи и боли вынесъ изъ жизни этотъ человѣкъ, если теперь съ глубокою ненавистью отворачивается отъ всего этого и видитъ въ этомъ дѣло діавола, сѣти, уловляющія на гибель вѣчную... Въ его душѣ еще идетъ борьба: остатся ли ему на Аeonъ, или возвратиться къ той жизни, гдѣ его могли прельщать если не высокія „дикгнитарства и преложенства“, то по крайней мѣрѣ тихое житье въ семейномъ кругу. Но онъ освѣщаетъ всѣ эти картиныベンгальскимъ огнемъ аскетическихъ доктринъ,—и участъ его рѣшена безповоротно“ (стр. 91).

Прочитавши эти строки, я сталъ искать, нѣтъ ли доказательствъ, подтверждающихъ мнѣніе Франка. Подыскалось только одно: въ „Терминѣ“, т. е. собственоручномъ перечнѣ Вышенского, „Обличеніе на діавола“ помѣщено на первомъ мѣстѣ, какъ бы наиболѣе раннее произведеніе. Но противъ этого выступаетъ соображеніе, что „Обличеніе“ помѣщено Вышенскимъ въ началѣ сборника только какъ характерное *предисловіе* ко всему сборнику, а написано могло быть даже позже всѣхъ произведеній. Самъ же Франко приводитъ два слѣдующія доказательства: 1) „Здѣсь Вышенскій называетъ себя Голякомъ Странникомъ, какимъ онъ былъ, недавно пришедши на Aeonъ“ (стр. 93). Но вѣдь и „голякъ“ (суп. „факиръ“), и „странникъ“ (суп. „саликъ ξένος“)—это мистические термины. Терминъ „странникъ“ указываетъ, что аскетъ неуклонно стремится впередъ по пути къ полному отреченію отъ своей личности, но еще не успѣлъ въ этомъ окончательно; дѣло понятное—„странникомъ“ мистикъ можетъ оставаться долгіе годы, даже до самой смерти. Въ „Посланіи къ старицѣ Домникії“, писанномъ уже въ 1606-мъ году, Вышенскій опять называетъ себя „странникомъ“. Почему же Франко не захотѣлъ „Обличенія“ отнести къ тому же 1606-му году, или „Посланія“—къ 1580-му?! 2) Второе соображеніе Франка: Что „Обличеніе“ составлено рано, видно изъ того, что

вся концепція этого произведения—насквозь лирическая, безъ всякаго поученія для другихъ, безъ всякихъ выводовъ для общества. Автора интересуетъ только психологической процессъ внутри его самого, и онъ изливаетъ его на бумагѣ. Это—не посланіе и не поученіе для другихъ,—онъ самъ еще проходитъ тяжелую внутреннюю школу (стр. 93—94)“⁴. Дальше мы увидимъ, что и это не вѣрно: „Обличеніе“—посланіе къ другимъ.

По моему мнѣнію, „Обличеніе“ составлено не ранѣе 1596-го года. Конечно, Франко возмутится и потребуетъ, чтобы я попытался *психологически объяснить*, почему это Іоаннъ такъ лирически обличалъ діавола не въ началѣ монашеской жизни, а гораздо позже, когда вопросъ о его судьбѣ былъ окончательно решенъ. Признаюсь, что я затрудненій не испытую: маленькая живость фантазіи—и, повторяю, за психологическими построениями дѣло не станетъ.—„Какъ пылкая, нервная натура“, скажу я (понимая „Обличеніе“ въ томъ смыслѣ, какъ Франко), „Вышенскій сперва горячо и ревностно, ни о чёмъ не задумываясь и не сомнѣваясь, предался аскетическимъ подвигамъ и самоизнуренію. Но проходили годы. Стала въ немъ сказываться реакція: стали его мучить тѣ демоны-искусители, на которыхъ онъ жаловался въ „Пославіи къ Іову Княгиницкому“, т. е. даже въ концѣ первыхъ годовъ XVII вѣка; вѣдь нѣчто подобное было и съ старымъ аббатомъ, героемъ романа „Notre Dame de Paris“ В. Гюго! И вотъ, для своего успокоенія, Вышенскому пришлось подъ старость составлять „Обличеніе на діавола“... Но я могъ бы и не напрягать своей фантазіи для подобныхъ возраженій Франку: дату „Обличенія“ намъ скорѣе, чѣмъ всякая психологія, уяснить разборъ этого произведенія, который мы сейчасъ произведемъ вновь. Я до сихъ поръ молчалъ, но вѣдь „Обличеніе“ вовсе не *лирическое изліяніе* Вышенского предъ самимъ собою! Въ противность утвержденію Франка, оно—полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи и предназначеннее для постороннихъ читателей! Унія—это и есть „состязаніе діаволь“⁵. Въ самомъ дѣлѣ: разсмотримъ діавольскую искушенія поближе. Кто изъ духовныхъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію или католицизмъ), тому діаволъ обѣщаетъ высшія духов-

вых должності католицькаго костела: бискупство, архібискупство, кардинальство, папство (см. текстъ „Кіевск. Стар.“ 1889, апрѣль, прилож., стр. 33). Кто изъ знатныхъ мірянъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію, или католицизмъ), тому онъ открываеть доступъ къ высшимъ должностямъ польскаго государства: войскаго, подкоморія, суды, каштеляна, старости, гетмана, канцлера короля („Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на оффру в геенну вѣчную, я тебѣ и королевство дам“. „Кіев. Стар.“, loc. laud.). Третій соблазнъ діавола касается болѣе простыхъ людей, мѣщанъ и крестьянъ: если они поклонятся ему, то будуть пользоваться безмятежнымъ житіемъ (котораго лишены православные жители Польши). Сознавая все это, Вышенскій совѣтує православнымъ землякамъ (а вовсе не себѣ) презрѣть всѣ (уніатскія) искушенія и вооружиться для мужественной борѣи аскетизмомъ (Вышенскій не разъ рекомендовалъ мірянамъ аскетизмъ, и самъ же Франко въ другомъ мѣстѣ, на стр. 463-й, отмѣчаетъ, что этотъ совѣтъ быль даже причиной его неладовъ съ Ставроопигійскимъ братствомъ). Какимъ образомъ отъ Франка ускользнули всѣ эти ясныя данныя, прямо свидѣтельствующія о томъ, что „Обличеніе“ написано ужъ послѣ введенія унії,—я почти не понимаю: обыкновенно Франко отличается проницательностью въ изслѣдованіяхъ, но на этотъ разъ его ослѣпила предвзятая психологія и поэтическая жилка. И притомъ, на стр. 95-й, самъ же Франко отмѣчаетъ, что блага, обѣщаемыя діаволомъ, все католицкаго свойства. Но, сдѣлавши эту отмѣтку, Франко отсюда ни о чёмъ не догадывается, а только находитъ, чтобъ это—„интересно“. Да, интересно!

Унія введена въ 1596-мъ году,—значитъ, „Обличеніе“ написано не позже того. Но нѣтъ ли способа опредѣлить дату „Обличенія“ поточнѣе? Кажется, есть. На стр. 96—97 диссертациі Франко указано, что тема сочиненія—разговоръ діавола съ человѣкомъ—не изобрѣтена самимъ Вишенскимъ: она часто разрабатывалась отъ первыхъ временъ христіанства, она часто разрабатывалась и въ вѣкъ Вышенскаго, на многіе лады; тутъ Франко приводить и массу тщательно собранныхъ бібліографическихъ данныхъ. И что же обнаруживается (но чего самъ

Франко не замѣчаетъ)! вѣдь изданіе-то такихъ книгъ начинается въ польской литературѣ только съ 1598-го года и констатируется въ такомъ порядкѣ: 1598 (двѣ книги), 1600, 1603 и т. д. По моему отсюда можно заключить, что Вышенскій написалъ свое „Обличеніе“ не раньше 1598-го года: можетъ быть, въ томъ же 1598-мъ году, или въ 1599-мъ. Но нельзя ли пойти дальше? Предложимъ вопросъ: гдѣ же Вышенскій познакомился съ польскими „Розмовами“? на православномъ ли Аѳонѣ? Конечно, и это не было бы чѣмъ-то невозможнымъ: изъ сочиненій Вышенскаго мы знаемъ, что на православный Аѳонъ привозились польскія книги вродѣ произведеній Скарги и 'Аутѣбрѣас'а, да и полякъ Игн. Петрашевскій свидѣтельствуетъ въ своей книжѣ: „Dziesięcioletnia podgrѣ po Wschodzie (стр. 75—76), что въ аѳонской библіотекѣ есть коллекція польскихъ книгъ, пѣсенъ церковныхъ и бумагъ отъ XVI вѣка. Однако, быть можетъ, гораздо естественнѣе будетъ предположить, что все упомянутыя польскія „Rozmowy“ стали знакомы Вышенскому ужъ во время его путешествія на родину и что онъ, воспользовавшись формой католическихъ сочиненій, составилъ „Обличеніе“ православное,— стало быть, не раньше 1605—1606 года. По своей тенденції (идеализація аскетизма) „Обличеніе“ какъ разъ подходитъ къ „Посланію старицѣ Домникій“ и къ „Зачапкѣ“,—произведеніямъ, писаннымъ во время путешествія на Русь и вскорѣ послѣ ухода оттуда. „Зачапка“ также выставляетъ на видъ материальное счастье униатовъ и совѣтуетъ православнымъ, противъ этого, стать аскетами. Есть у меня еще одно соображеніе, но такъ какъ оно основано на психологіи, то я не придаю ему особенаго значенія. Пребываніе Вышенскаго на родинѣ показало ему воочию, что безъ науки православіе должно падать, и внушило ему сознаніе недостаточности собственного образованія. И ревнуя о чистотѣ православія, и одновременно чувствуя неизбѣжность униатской науки, Вышенскій могъ сваливать свои ощущенія на то же діавольское искушеніе, которое заставляло многихъ другихъ православныхъ переходить въ унию; быть можетъ, это была также одна изъ причинъ, заставившихъ его написать „Обличеніе“; въ результатѣ такого предположенія опять таки

появляется дата для „Обличенія“ приблизительно 1606-й годъ. Впрочемъ, все это только „можетъ быть“: будемъ довольствоваться констатированиемъ и того одного несомнѣнного факта что „Обличеніе“ написано не раньше 1596-го года. Это тег-тіпіз а quo. Если намъ удастся узнать, когда именно Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“, въ которой упоминается и „Обличеніе на діавола“, то будемъ имѣть также terminus ad quem.

№ 4. Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ. Разъ мы отвергаемъ раннее составленіе трехъ предыдущихъ №№-овъ, то „Извѣщеніе“ должно считаться не четвертымъ, а первымъ, самымъ раннимъ произведеніемъ Вышенскаго, съ которымъ онъ, довольно робко, впервые выступаетъ передъ малорусской публикой; подпись—только „Іоаннъ мнихъ“, безъ прибавленія: „зъ Вышней“; объ уніи здѣсь еще нѣтъ рѣчи, споръ пока касается только календаря, и за одно—затрагивается вопросъ о лживости католичества. Франко вполнѣ убѣдительно показываетъ (только ужъ не на основаніи психологіи!), что составлено „Извѣщеніе“ въ 1589-мъ или въ 1590-мъ году. Разбору этого сочиненія Франко посвящаетъ страницы 100—148. Разборъ этотъ—прекрасный, основательный, обстоятельный, ученый, онъ мѣтко подчеркиваетъ убѣжденія и литературные пріемы Вышенскаго, мѣтко подчеркиваетъ значеніе сочиненій Вышенскаго, какъ материала для характеристики современной эпохи, касается даже критики текста и выясненія позднѣйшихъ интерполяцій, и можно ножалѣть только объ одномъ: почему Франко не имѣетъ при этомъ ни малѣйшаго дара (или желанія) колоритно пересказывать чужія произведенія? Съ успѣхомъ читать Франка можно только въ томъ случаѣ, если одновременно имѣется передъ глазами текстъ сочиненій Вышенскаго. Главное наблюденіе, сдѣланное Франкомъ здѣсь о нашемъ авторѣ, слѣдующее: Вышенскій не столько ученый-философъ, не столько богословъ-догматикъ, не столько діалектикъ, сколько этическій проповѣдникъ,—онъ обращается не къ уму читателя, а къ его душѣ, къ чувству, къ совѣсти, и вѣра безъ дѣлъ у него мертвa (стр. 113). Конечно, Франко не ограничивается въ своемъ разборѣ только Вышенскимъ: онъ по дорогѣ затрагиваетъ много другихъ вопросовъ,

имѣющихъ хотя бы косвенное отношеніе къ Вышенскому и его эпохѣ. Для образчика привожу (въ русскомъ переводе) остроумную характеристику клирика Василія Суражского: „Суражский—писатель добросовѣстный, трудолюбивый, можетъ быть, по своему и ученый, но очень тяжелый на подъемъ мысли и почти совсѣмъ лишенный литературнаго таланта. Не знаю, есть ли въ нашей полемической литературѣ того времени сочиненіе, чтеніе котораго такъ бы утомляло и мучило, какъ чтеніе его „Книжки о вѣрѣ“. И вина не въ сухомъ стилѣ, не въ какой-нибудь особенной темнотѣ и глубинѣ. Онъ имѣть спеціальную привычку: каждый малѣйшій шагъ въ своей аргументації поддерживать цитатами и даже цѣлою кучею цитатъ изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, изъ отцовъ церкви, изъ историковъ и т. п. Къ несчастію, всѣ эти цитаты въ большинствѣ случаевъ такъ приходятся кстати, какъ тѣ пословицы, которыми на каждомъ шагу щедро сыплетъ Санчо Панса въ знаменитомъ романѣ Сервантеса (стр. 119)“. Возраженія, которыя я могу сдѣлать Франку въ этой главѣ, относятся къ мелочамъ, къ деталямъ. Такъ, напр., говоря о непосредственной генетической связи платонизма, неоплатонизма и богословской философіи христіанской (стр. 106), Франко ссылается на G. Roskoff. „Geschichte des Teufels“,—гораздо умѣстнѣе было бы ссылаться на сочиненія, болѣе спеціальные, чѣмъ на такія, въ которыхъ данный вопросъ задѣть мимоходомъ и случайно. Франко, впрочемъ, вообще не стысняется цитировать всякія книги безъ разбора, что ужъ дышеть чѣмъ-то гимназическимъ, а не профессорскимъ; въ некоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (напр., на стр. 393-й) онъ позволяетъ себѣ, для оцѣнки аскетизма, приводить „трехъ гумористично пидсолени“ отрывки изъ современныхъ легкихъ беллетристовъ, изъ смѣшного романчика! Вторая непохвальная мелочь въ этой главѣ у Франка—уподобиться можетъ ложкѣ дегтя, вметаемой въ бочку меду. На стр. 123-й мы читаемъ: „изъ сочиненій аѳонскаго монаха Максима Грека, который впослѣдствіи былъ архіепископомъ московскимъ“. Какое грубое непониманіе роли Максима Грека въ Москвѣ и вообще непониманіе россійской церковной исторіи, притомъ въ одинъ изъ

интереснѣйшихъ и важныхъ моментовъ! Любопытно было бы также знать, что понималъ Франко подъ саномъ „московскаго архіепископа“, должно быть, санъ митрополита. Курьезно, что львовскій журналъ „Бесѣда“, издаваемый т. н. „москвофилами“ и обязанный, значитъ, знать общерусскую исторію *par excellence*, вовсе не нашелъ ничего страннаго въ архіепископствѣ несчастнаго Максима Грека. Впрочемъ удивительного въ этомъ нѣтъ ничего, потому что между всѣми галичанами лучшій знатокъ русской исторіи и литературы Франко, и если онъ могъ ошибиться, то что ужъ говорить о „Бесѣдѣ“?!—Отъ неполнаго знакомства съ великорусскими трудами по церковной исторіи Руси проистекаетъ у Франка неправильное сужденіе о книжкѣ Степана Зизанія: „Слово св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Франко называетъ „Слово“ апокрифомъ (стр. 131), а оно настоящее.—Не мѣшаетъ также поставить знакъ вопроса надъ утвержденіемъ Франка, будто Вышенскій былъ *первымъ* изъ южно-русскихъ писателей, который воспользовался протестантской идеей—поставить папу въ связь съ антихристомъ (стр. 131). Не могу сейчасъ вспомнить, гдѣ именно, но знаю навѣрное, что встрѣчалъ это сближеніе въ южно-русской литературѣ и раньше Вышенскаго¹⁾.

№ 5. О (прочихъ) еретикохъ (стр. 149—150)—простая добавка къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, что и показано Франкомъ. Голубевъ („Объясн. пар.“, стр. 37) держится торо же мнѣнія. — „Извѣщеніе“ составлено подъ вліяніемъ „Книжицы“ В. Суражскаго; разъ статейка „О еретикохъ“—добавленіе къ „Извѣщенію“, то, мнѣ кажется, можно и эту статейку объяснять вліяніемъ той же „Книжицы“: какъ разъ въ „Книжицѣ“ (Острогъ 1588) есть одна глава, посвященная защите иконопочитанія и направленная противъ еретиковъ-реформаторовъ.

№ 6. Загадка философомъ латинскимъ (стр. 151—154). Съ литературно-фольклористической стороны разобрана она Франкомъ прекрасно, но отнесена къ тому же 1590-му году безъ

¹⁾ См. добавленіе къ моей работе (о рецензіи Студинскаго).

малѣйшаго намека на мотивировку. Я впрочемъ не стану спорить съ Франкомъ на счетъ даты, потому-что въ „Терминѣ“ Вышенскаго „Загадка“ помѣщена тотчасъ вслѣдъ за статейкой „О еретикохъ“ (см. „Кіевск. Стар.“, 1889, апр., прил., ст. 29). Мы видѣли, что хронологическій порядокъ Франка идетъ въ разрѣзъ съ указаніями „Термины; поэтому и въ отношеніи къ „Загадкѣ“ онъ предпочелъ быть совсѣмъ голословнымъ, предпочелъ держаться султански-деспотического „сюда же отнюшу“, чѣмъ сослаться па авторитетъ неудобной для него „Термины“. Вольному воля!

№ 7. *Писаніе до всіхъ обще въ лядской земли живлящихъ*—разобрano Франкомъ на стр. 155—186. Сопоставляя „Писаніе до всіхъ“ съ жалобой Львовскаго Ставроигійскаго братства на безпутную жизнь львовскаго епископа Гедеона Балабана, Франко показываетъ, что оно написано около 1593-го года. Это—первое произведение Вышенскаго, подъ которымъ есть ужъ его обычая подпись „Іоанъ изъ Вышинъ“, а не одно „Іоанъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ она первое произведение Вышенскаго, имѣющее форму эпистолярную. Это обстоятельство даетъ поводъ Франку задуматься вообще надъ фактомъ внезапнаго распространенія особой литературной формы: „письмо“, подмѣчаемымъ у разныхъ народовъ въ важные моменты ихъ исторической жизни. Франко вообще имѣеть привычку пересыпать свою диссертациою подобными экскурсами общаго характера, отчего, конечно, она только выигрываетъ. Разборъ „Писанія до всіхъ“—одинъ изъ болѣе удачныхъ и обстоятельныхъ у Франка—прекрасно иллюстрируетъ его критико-литературные пріемы: онъ аккуратно слѣдуетъ за каждой мыслью сочиненія Вышенскаго, останавливается на ней, и тутъ или извлекаетъ изъ нея матеріалъ для характеристики автора, или подвергаетъ исторической критикѣ достовѣрность какого-либо факта, утверждаемаго Вышенскимъ, или снабжаетъ этотъ фактъ историческимъ комментаріемъ, или пускается по поводу сообщеннаго факта или высказаннаго мнѣнія въ разсужденія общеисторического свойства. Больше всего Франко въ разборѣ „Писанія до всіхъ“ показываетъ себя историкомъ (не словесникомъ), и его критическій разборъ имѣеть то значеніе,

что открываетъ теперь возможность историкамъ южной Руси и Польши съ успѣхомъ пользоваться сочиненіями Вышенскаго; а до сихъ поръ историки забывали, что іп crudo произведеніями Вышенскаго пользоваться не слѣдуетъ. Но, преслѣдуя цѣли историческія, Франко сильно упустилъ изъ виду литературныя. Насчетъ Вышенскаго онъ говорить вотъ что: „Онъ убѣждаетъ не отвлеченно-богословскими аргументами, а нравственнымъ и психологическимъ вліяніемъ личности на личность, живымъ словомъ, тономъ, колоритомъ рѣчи... Онъ, въ силу своего поэтическаго характера, часто жертвуетъ тонкостью и полнотою аргументаціи ради живости тона и колорита рѣчи, ради пластического представленія немногихъ болѣе важныхъ пунктовъ (стр. 157)“. Всѣ эти замѣчанія (безусловно истинныя) не иллюстрированы у Франка ничѣмъ. Онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять читателя, что въ „Писаніи до всѣхъ“ есть мѣста „съ силой выраженія“, „съ величиемъ помысловъ“, мѣста „могучія“ и т. д., но читатель принужденъ ему вѣрить почти на слово. И нельзя сказать, чтобы блѣдность изложенія происходила у Франка отъ желанія выгадать что-либо въ мѣстѣ. Напротивъ, его пересказъ всегда очень подробенъ, но совершенно не колоритенъ. Видя, какъ усердно Франко обездѣвѣчиваетъ Вышенскаго, я нѣсколько разъ вспоминалъ одинъ школьный случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ, и произнесенный при этомъ слова дорогого моего учителя Павла Игнатьевича Житецкаго. Какъ-то, отвѣчая урокъ, мнѣ пришлось ему пересказывать первую пѣсню Илліады, причемъ знаменитый стихъ

„Смѣхъ несказанный воздвигли небесные боги,

Види, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогамъ вокругъ суетится—

я счелъ нужнымъ передать попроше: „Боги сильно расхохотались, увидѣвшіи, что Гефестъ бѣгаєтъ съ кубкомъ по дворцу“...— „Ахъ вы, варваръ!“ крикнулъ на меня Павелъ Игнатьевичъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Теперь, почитывая Вышенскаго въ изготовкѣ Франка, я самъ многажды восклицаю: „Ой, тай варваръ же зъ васъ, мій любый друже! варваръ!“ Комизмъ положенія Франка усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣлые цитаты другаго сорта онъ приводить изъ Вышенскаго въ изо-

билії. Именно: желая опровергнуть тѣхъ критиковъ, которые любимаго Франкомъ Вышенского дѣлаютъ чуть ли не круглымъ невѣждой, Франко вездѣ съ большимъ удовольствиемъ выписываетъ тѣ мѣста изъ разбираемаго автора, которыя могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной его богословской учености; въ этомъ желаніи Франко и самъ признается (стр. 280). Но, поступая такимъ образомъ, онъ достигаетъ совершенно неожиданнаго и нежелательного результата: у читателя невольно слагается представление, что Вышенскій—это какой-то сухой догматикъ, т. е. слагается такое представление, которое менѣе всего правильно. Я уже и раньше имѣлъ случай подчеркнуть этотъ промахъ Франка (неколоритность въ изложеніи), теперь подчеркиваю вновь и ужъ больше возвращаться къ этому пункту не стану. Добавлю, что указаннымъ недостаткомъ страдаетъ *каждая* глава диссертациіи и, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ (настоящая) глава о „Писаніи до всѣхъ“. При разборѣ „Зачапки“ не приведено знаменитое мѣсто о „кровоѣдахъ, мясоѣдахъ, волоѣдахъ, скотоѣдахъ, звѣроѣдахъ, свиноѣдахъ, куроѣдахъ, гускоѣдахъ, птахоѣдахъ, сытоѣдахъ, сластноѣдахъ, масловоѣдахъ, пироговоѣдахъ, периноспалахъ, мяскоспалахъ, подушкоспалахъ, перцолюбцахъ, шафранолюбцахъ, имберолюбцахъ, и гвоздиколюбцахъ“ и т. д. Особенно страдаетъ у Франка разборъ „Посланія ко кн. Василію Острожскому“, гдѣ Вышенскій драматически причитаетъ надъ воображаемымъ трупомъ Скарги: это причитаніе является, по словамъ Франка же (стр. 183), „истиннымъ перломъ между произведеніями Вышенского“, и оно изложено суще, чѣмъ что-либо! Въ этомъ отношеніи Франко представляетъ разительный контрастъ съ Сумцовыми.

Итакъ, Франковскіе этюды о каждомъ произведеніи Вышенского заключаютъ въ себѣ громадныя достоинства историческія, но съ художественно-литературной точки зрѣнія не стоятъ ничего. Игнорированіе Франкомъ законовъ художественности я позволю себѣ объяснить тѣмъ, что на нынѣшнюю книжку онъ смотритъ не болѣе, какъ на матеріалы для будущей, ожидаемой книги. Можно здѣсь кстати отмѣтить, что преобладаніе историко-критической наклонности надъ всѣмъ другимъ предохранило

Франка отъ излишнаго увлеченія своимъ симпатичнымъ писателемъ: онъ вовсе не влюбленъ въ Вышенского, какъ это часто бываетъ у біографовъ, онъ вовсе не склоненъ надѣлять его всѣми чертами идеального человѣческаго совершенства, и разбираемую теперь мною 7-ю главу онъ заканчиваетъ слѣдующимъ строгимъ заключеніемъ: „Ни талантъ Вышенского, ни его политическое образованіе не были достаточны для того, чтобы изъ Ставропигійской „цедулы“ сдѣлать публицистической трудъ; вышло только эфектное по формѣ, но слабое по содержанію подражаніе ветхозавѣтному пророку (стр. 174)“. Если мы вспомнимъ, что писателя нужно судить, переносясь въ его времена, то найдемъ этотъ безжалостный судъ даже слишкомъ строгимъ.

Изъ мелкихъ возраженій Франку я сдѣлаю только одно. Вышенскій совѣтуетъ мірянамъ „пустынное воспитаніе“, а Франко съ удивленіемъ спрашиваетъ, неужели проповѣдникъ серіозно совѣтывалъ всѣмъ людямъ покинуть свѣтъ и уйти въ пустыню да и дѣтей воспитывать въ пустынѣ. Слишкомъ узко понимаетъ Франко терминъ: „пустынный“—„аскетический“; можно быть пустынникомъ, не уходя изъ міра и его обстановки; срв. въ „Голистанѣ“ слова Саадія, одного изъ популярныхъ проповѣдниковъ житейскаго аскетизма (мой переводъ въ „Житти и Слови“ 1894, № 4, стр. 27). Совѣтуя мірянамъ „пустынное“, т. е. аскетическое воспитаніе, Вышенскій является выразителемъ тѣхъ идей, которыми былъ проникнутъ въ его время весь востокъ: мусульманскій и христіанскій (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“ М. 1895, послѣдн. гл., „о причинахъ распространенія суфизма“).

№ 8. *Посланіе ко кн. Василію* (т. е. Константину) *Острожскому* (стр. 175—186)—составлено Вышенскимъ въ 1598-мъ году и содержитъ въ себѣ вдохновенное изліяніе чувствъ автора послѣ прочтенія „Апокриса“ Бронского. Какъ известно, Вышенскій воображаетъ здѣсь Скаргу въ видѣ побѣжденного, „нагле здохлого“ трупа и причитаетъ надъ нимъ (насколько Франко обезцвѣтилъ въ своемъ изложеніи это при чтаніе, я ужъ подчеркивалъ выше и обѣщалъ не входить болѣе въ обсужденіе подобныхъ пунктовъ). Франко думаетъ, что Вышенскій, соби-

раясь причитать надъ покойникомъ и разбирать его жизнь „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“, желаетъ подражать народному обычаю. Для доказательства, что этотъ обычай—народный, Франко ссылается на беллетристической рассказикъ Михалины Рощевичъ. Лучше было бы упомянуть о статьѣ Х. Ящуржинскаго: „Малорусскія причитанія надъ умершими“, въ „Киевск. Стар.“ 1888, № 1; не мѣшало бы также познакомиться съ русскимъ капитальнымъ трудомъ Барсова: „Причитанія Сѣвернаго края“ (М. 1872) и статьей Веселовскаго: „Die Russischen Todtenklagen“ въ „Russische Revue“ 1873, XII. Кажется однако, что Франко невѣрно понялъ выраженіе: „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ (онъ, конечно, со-поставлялъ его съ ново-малорусскимъ: „дія“, т. е. „драмати-ческое дѣйствіе“). Это выраженіе нельзя переводить: „согласно драматическому обычаю на простонародныхъ похоронахъ“, а нужно здѣсь видѣть „дѣи“—„исторія“ (dzieje), каковой смыслъ это слово имѣеть у Вышенскаго всегда; по всему вѣроятію, Вы-шенскій своимъ заявленіемъ намекалъ на ветхозавѣтныхъ (и даже классическихъ) плакальщицъ.—Повторяя мнѣніе Кулиша („Ист. возсоед.“ I, 296—297), будто въ цѣломъ „Писаніи до кн. Острожскаго“ нѣть ни одного слова, которое можно было бы прямо отнести къ этому князю, и ни одного слова признательности за могущественную поддержку православію (стр. 177), Франко до-пускаетъ, кажется, преувеличеніе. Конечно, Вышенскій никогда кромѣ адреса не называетъ Острожскаго прямо по имени, но многія похвалы за усердіе въ вѣрѣ и за ревнованіе о право-славії, произносимыя Вышенскимъ съ обращеніемъ „Вы“, „Вашъ“, можно отнести не ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, а именно къ самому князю.—На стр. 179-й и 180-й Франко смѣшиваетъ польское (Виленское) и русское (Острожское) изданіе „Апокри-сиса“ Филалета Бронскаго, считаетъ ихъ одновременными (ру-ское изданіе вышло годомъ позже польского) и, повидимому, думаетъ, что въ Острогѣ явилось изданіе польское. Слѣдовало бы Франку познакомиться съ „Изслѣдованіемъ объ Апокрисисѣ Фи-лалета“ М. Скабалановича, которое напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г.—На стр. 181-й Франко вдается въ филологический экскурсъ насчетъ смысла библейскаго имени „Рапсакъ“ и, на

основанії Рейса (*La Bible*) заявляєть, що це ім'я не собственное, а нарицательное. Ужъ если слѣдовало вдаваться въ семитическую филологію, то не мѣшало бы замѣтить, что это слово произносится „рабшакъ“, а не „рапсакъ“.

№ 9. Писаніе къ утекшимъ отъ православное впры епископомъ—чуть ли не самое громадное изъ всѣхъ произведеній Вышенского и вмѣстѣ съ тѣмъ самое цѣнное, не только потому, что оно содержитъ массу указаній на важные исторические факты, но еще больше потому, что въ немъ ярко освѣщена бытоваia сторона конца 16-го вѣка; оно же имѣетъ первостепенное значеніе для опредѣленія біографіи автора и лучше другихъ произведеній характеризуетъ его благородный образъ мыслей. Такъ какъ Франко снабдилъ „Писаніе къ утекшимъ епископомъ“ чрезвычайно подробными, интересными и систематическими комментаріями (стр. 187—240), то эти страницы получили характеръ связной культурно-исторической картины изъ первыхъ временъ унії въ ю. Руси. Говоря о знаменитой, громовой тирадѣ Вышенского противъ „хлопания, кожумякання, сидѣльникання“ и т. д. (стр. 215), Франко даетъ намъ пересказъ, безупречный даже въ художественномъ отношеніи и усиливающій полноту впечатлѣнія отъ мастерского разбора. Можно сожалѣть, что Франку не былъ доступенъ текстъ, вновь рецензированный профессоромъ Сирку и напечатанный въ „Исторії Аѳона (т. III, Оправданія, стр. 1014 и слѣд.“). Любопытенъ вопросъ о точномъ опредѣленіи времени, когда Вышенскій составилъ „Писаніе къ епископомъ“. Во-первыхъ, можно утверждать, что оно написано не позже 1599-го года, потому-что митрополитъ Михаилъ Рагоза упоминается въ немъ еще какъ живой; съ другой стороны рядъ намековъ Вышенского на извѣстные исторические факты показываетъ, что „Писаніе“ не могло быть составлено раньше 1598-го года. Но большое затрудненіе, и не столько для хронологіи, сколько для изслѣдованія сочиненія, возникаетъ здѣсь въ виду яснаго заявленія Вышенского, что онъ писалъ это посланіе къ уніатскимъ владыкамъ подъ *самымъ сеньжимъ* впечатлѣніемъ *ихъ* книги „зовемой:“ „Оборона згоды бъ латинскимъ костеломъ и вѣрою Рыму служачею“ (пр. Порфирій Успенскій: „Ист. Аѳ.“

т. Ш, прил., стр. 1014). Книги съ точно такимъ заглавіемъ и нритомъ вышедшей въ свѣтъ около 1598-го года—мы совсѣмъ не знаемъ. Франко думаетъ, что Вышенскій нарочно, съ ироніей, исказилъ заглавіе, и предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ виду книгу: „Унія альбо выкладъ преднейшихъ арѣтыкуловъ ку зъедноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ“ (стр. 192—193). Но, во-первыхъ, „Унія“ вовсе не имѣетъ характера соборнаго,—она составлена однимъ только Ипатіемъ Пощемъ; во-вторыхъ, она напечатана еще въ 1595-мъ году: нельзя же предположить, чтобы при тѣхъ живыхъ сношеніяхъ южной Руси съ Аѳономъ, какія были въ тотъ моментъ, книга Поща попала на Аѳонъ только въ 1598-мъ или 1599-мъ году, черезъ три четыре года послѣ выхода въ свѣтъ; и въ-третьихъ, „Унія“ еще не говоритъ о „подвига дѣлѣ“ (какъ выражается Вышенскій), т. е. совершившемся фактѣ, а просто предлагаетъ только проектъ. Вѣрнѣе всего, что Вышенскій говоритъ о книгѣ: „Оборона (NB!). Берестейского русского собора“, напечатанной въ Вильнѣ въ 1597-мъ году. (У Унольского стоитъ годъ 1595-й, но что это ошибка, см. Бантышъ-Каменскаго, Сахарова, Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.“ (Крак. 1840—1857, т. VIII, стр. 293), Головацкаго: „Дополн. къ оч. слав.-р. библ. В. М. Унольского“, стр. 8). Самое название „Оборона“ совпадаетъ съ тѣмъ титуломъ искомой книги, который мы встрѣчаемъ въ посланіи Вышенскаго.

Сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ Франковскаго этюда. На стр. 219-й читаемъ: „Посланіе, должно быть, до глубины души потрясло тогдашнихъ читателей, а особенно самихъ адресатовъ, если дошло до ихъ рукъ. Въ особенности близкимъ является допущеніе, что митрополитъ Рагоза, наиболѣе шаткій и мягкий, но и наиболѣе религіозный изъ всѣхъ иниціаторовъ уніи, именно этимъ посланіемъ былъ такъ сильно потрясенъ, что заболѣлъ и умеръ отъ тоски, раскаиваясь въ уніи и требуя православнаго попа (Коцыстенскій: Палинодія,—Русск. Ист. Библ., IV, 1045)“. Насчетъ М. Рагозы Франко, быть можетъ, еще правъ (жалъ только, что на стр. 240-й онъ ужъ поспѣшилъ безусловно утверждать въ свое предположеніе и развиваетъ его далѣе), но откуда онъ взялъ, что напоминанія Вы-

шенского о страшномъ судѣ могли бы тронуть другихъ инициаторовъ унії, напр. Кирилла Терлецкаго? Не самъ ли Франко въ другомъ мѣстѣ (стр. 201 и др.) приводить рядъ преинтеснѣйшихъ свидѣтельствъ о нравственномъ обликѣ уніатскихъ владыкъ¹⁾ и напоминаетъ, что О. Левицкій (А. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI) собралъ цѣлую кучу актовъ объ обдирательствахъ, насилияхъ, наѣздахъ и убийствахъ Кирилла Терлецкаго? Да и Вышенскій не особенно вѣрилъ въ силу своихъ угрозъ: „Я только съ повинности своей и любви христіанской, што знаю, то вамъ открываю. Вамъ же послухати и сотворити волно: якъ хощете, тако творѣте,—волю и самовластіе имате“. („Ист. Аѳ.“, т. III, оправданія, стр. 1023).

Разбирая „Исторію“ (она, собственно, называется: „Повѣсть“, см. текстъ Сырку, „Ист. Аѳ.“, loc. laud., стр. 1043) о Божій помощи Аѳонскому монастырю при нападеніи латынниковъ въ царствованіе Михаила Палеолога, Франко говоритъ (стр. 224): „Михаилъ Палеологъ царствовалъ въ Византії въ 1071-1078 г.“; то же онъ повторяетъ на стр. 225-й. Это не вѣрно. Развѣ династія Палеологовъ воцарилась въ XI вѣкѣ?! Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ династіи, старавшійся ввести въ Византію послѣ Ліонскаго собора 1274-го года, царствовалъ въ XIII вѣкѣ, можно считать—съ 1258-го года, а умеръ въ 1282-мъ году.—Франко думаетъ, что „Исторія“—просто легенда монастырская съ небольшимъ, *пожалуй*, ядромъ историческимъ. Наоборотъ! въ „Исторії“ (или „Повѣсти“,—будемъ ее такъ называть) подлинныхъ историческихъ фактовъ очень и очень много. Такъ, въ ней упоминается сперва упорная борьба грековъ съ латинами (или „Фругами“, т. е. „Франками“) и изгнаніе „Фруговъ“ изъ Византіи: очевидно, имѣется въ виду возвращеніе Константинополя отъ латинянъ въ 1261-мъ году. Далѣе, по „Повѣсти“, Матеологъ

¹⁾ Почему, говоря о Попѣ, Франко не упоминаетъ ни слова о рядѣ такихъ характерныхъ документовъ, какіе печатались въ „Вѣстникѣ Ю. З. и З. Россіи“? Интересна, напр., жалоба Загоровскихъ на Попа о нападеніи на православную Владимирскую церковь, о причиненіи самымъ Попомъ побоевъ священнику этой церкви („у губу далъ и роскрывавилъ“), о наругательствахъ надъ этимъ священникомъ, и т. д. См. „Вѣстникъ“ 1863, картъ, документъ № 27, стр. 37.

(иронич. прозвище Михаила Палеолога) вступаетъ въ союзъ съ латинянами: конечно, имѣется въ виду Ліонскій соборъ 1274-го г. о заключеніи унії съ Римомъ. Латиняне приходятъ къ Аeonу,—ну, это было въ 1280-мъ году. Избіеніе Михаиломъ многихъ тысячъ православныхъ, противившихся латинству, напрасно кажется Франку невѣроятною вещью и признакомъ легендарности. Стоитъ прочитать нѣсколько страницъ изъ историка-современника—Георгія Пахимера (его сочиненіе есть и въ русскомъ переводе), чтобы убѣдиться, до какихъ чудовищныхъ, ужасныхъ звѣрствъ доходилъ Михаилъ при водвореніи унії; Пахимеръ прибавляетъ, что эти колоссальные звѣрства слѣдуетъ описывать слезами, а не чернилами. Длинное обличеніе латинской ереси, которое Вышенскій (вѣрнѣе—„Сборникъ Аeonской горы“) влагаетъ въ уста одному православному монаху (см. текстъ Сырку, стр. 1046-1047), не мѣшало бы сличить, во-первыхъ, съ однимъ греческимъ документомъ (обличеніемъ аeonскихъ монаховъ Михаилу Палеологу), напечатаннымъ по-гречески и по-русски въ „Исторіи Аеона“ преосв. Порфирия Успенского, а во-вторыхъ—съ извѣстной сатирой на Михаила, восходящей въ славянскомъ переводе къ 14-му вѣку („Прѣніе Панагиота Костантина съ Гардинари о азимѣ“).—И такъ оказывается, что въ „Повѣсти“ есть очень много исторического, побольше, чѣмъ одно ядро. Добавлю кстати, что греческій ея оригиналъ (или правильнѣе—источникъ) изданъ преосв. Порфириемъ Успенскимъ въ „Исторіи Аеона“, т. III б.; а въ томъ III. а. того же сочиненія изложена Порфириемъ вся исторія введенія Ліонской унії и отношенія къ ней аеонитовъ. Если у Франка не было подъ руками труда Порфирия, то онъ могъ бы исторію унії, 1274-го года просмотрѣть въ имѣющейся у него книгѣ А. Попова: „Обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875, стр. 240—245.

На стр. 229—232-й Франко отмѣчаетъ въ развитіи Вышенскаго около 1599-го года одну черту: стремленіе распространить въ малорусской публикѣ сочиненія о православныхъ чудесахъ, въ pendant къ западнымъ „новелламъ“, и тутъ же говорить: „Называя разсказъ объ обрѣтеніи мощей Варлаама „Но-

виною“, Вышенскій повидимому выражалъ этимъ желаніе, чтобы подобныа благочестивыя повѣсти вытѣснили изъ рукъ малорусскихъ читателей „новины“ западно-европейскія.“ Казалось бы, отсюда у Франка непремѣнно явится убѣжденіе, что „Новину о обрѣтеніи тѣла Варлаама“ Вышенскій написалъ тогда же,—около 1600-го года; но мы ужъ раньше видѣли, до чего его ослѣпила злосчастная гипотеза путешествія на Аeonъ черезъ Окриду.—На стр. 233—237 идутъ обширныя разсужденія объ истинномъ смыслѣ мѣста, которое въ „Актахъ Южной и Западной Россіи“ (1865, СПБ., т. II, стр. 252) читается такъ: „А о себѣ паскаковати безстудиѣ, песски, якоже вы, на поповство безъ волѣ Божії не хощу“, причемъ Франко предлагаетъ нѣсколько варіантовъ чтенія и толкованія. Если бы онъ могъ видѣть текстъ, изданный Сырку (стр. 1054), то нашелъ бы, что пятая стоитъ не послѣ „вы“, а послѣ „поповство“. Тутъ же Франко нападаетъ на Игн. Житецкаго, осмѣлившагося сказать, что тогда, около 1600-го г., Вышенскій не пришелъ на родину изъ страха: „Воля Божія—говоритъ И. Житецкій—въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному страннику.“ Франко увѣряетъ, что у Вышенскаго не могло даже возникнуть чувство страха, что даже смѣшно говорить о преслѣдованіяхъ въ тогдашней Польшѣ и что при ея свободномъ строѣ никто не посмѣѣлъ бы причинить Вышенскому малѣйшій вредъ (стр. 236). Соглашаясь съ тѣмъ, что Польша 17-го вѣка и Польша 16-го в.—не одно и то же, я въ тоже время думаю, что годъ введенія уни уже стоитъ на рубежѣ обоихъ періодовъ. И Вышенскій (текстъ Сырку, стр. 1504) не даромъ же говоритъ: „Будеть зась и тая похвалка у противныхъ: волно ти, моячи, тамъ заочне и въ далекомъ кутѣ такъ беззечно ширмовати; але коли бы еси тутъ быль, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали“... (стр. 1055): „Хвалитесь (т. е. „грозите“) затворами темничными, битiemъ и убитiemъ“... (стр. 1056): „Вы православныхъ мучити, катовать... (и т. д.)...—силу, власть и начальство имате“. Какъ видимъ, Вышенскій самъ находилъ опаснымъ ѿхать тогда на Русь. Правда, въ 1605-мъ году онъ таки поѣхалъ, и Франко подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство неприосновен-

ности личности въ тогдашней Польшѣ, но, во 1-хъ, тогда значительная часть оскорбленныхъ Вышенского враговъ ужъ умерла, во-2-хъ, другая часть успѣла за пещь лѣтъ позабыть первую горечь обличеній, и въ 3-хъ—кажется, что Вышенскій разсчитывалъ на покровительство и защиту кн. Острожскаго, на имя котораго онъ, по моей догадкѣ, могъ послать „Термину“ своихъ сочиненій какъ разъ передъ путешествіемъ домой (см. ниже).

Разставаясь съ этой длинной девятой главой, привожу изъ нея прекрасную заключительную страницу, не для критики, но для образца Франковскаго горячаго отношенія къ своей научной задачѣ: „Таковъ конецъ этого громоваго, сильнаго посланія, этого могучаго манифеста талантливой, независимой личности, гордой своею правотой и своимъ сознаніемъ душевной общности съ массами роднаго народа. Никогда еще до того времени сильные міра сего, свѣтскіе ли, духовные ли, не слышали отъ простаго южнорусса такихъ гордыхъ, рѣшительныхъ и потрясающе-сильныхъ словъ. Отъ нихъ вѣеть, хотя еще безсознательно для самого автора, тѣмъ свѣжимъ, новымъ духомъ освобожденія человѣка изъ оковъ всемогущей традиціи, который сто лѣтъ тому назадъ впервые прогремѣлъ въ Германіи въ боевомъ призыва Гуттена: „Ich hab's gewagt!“ И здѣсь нужна была значительная нравственная отвага, чтобы бросить могущественнымъ іерархамъ и всей господствующей системѣ польской прямо въ лицѣ такимъ огненнымъ посланіемъ. Пусть себѣ по отношенію къ богословской аргументаціи оно не представляеть ничего нового, пусть себѣ по отношенію къ практической политикѣ оно кое-гдѣ прямо наивно,—не въ томъ его сила, не въ томъ его прочное литературное и историческое значеніе, а въ томъ высокомъ подъемѣ нравственной силы, которую дрожитъ каждое слово, въ той горячей, сердечной крови автора и всего южно-русскаго народа, которою прокипѣла каждая строчка этого произведенія (стр. 239)“...

Такъ-какъ слѣдующими стоять на очереди псевдонимныя сочиненія Вышенскаго, то Франко посвящаетъ сперва цѣлую главу (X-ю) вопросу, зачѣмъ Вышенскій писалъ и подъ псевдонимами. Мотивъ самосохраненія (Житецкій) Франко рѣшительно отвергаетъ. Я думаю, что мнѣніе Житецкаго въ извѣстной

степени таки принять можно; вѣдь, составляя „Краткословный отвѣтъ“ Скаргѣ и подписываясь „Ѳеодулъ“, Вышенскій ужъ готовился идти на родину. Сумцовъ предлагаетъ и другое разъясненіе: „Псевдонимъ „Ѳеодулъ“ могъ возникнуть... изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу („Кievsk. Стар.“, 1885, апр., 652)“. За такую догадку Франко упрекаетъ его и говоритъ: „Выражать свою близость къ Христу—это для смиреннаго аскета было бы признакомъ такой гордости и заносчивости, которая граничить почти съ богохульствомъ (стр. 240)“. Ну, вотъ! Не трудно изъ общаго тона рѣчи замѣтить, что подъ словомъ „близость“ проф. Сумцовъ понималъ здѣсь „стремленіе къ близости“, а не богохульное сознаніе близости ко Христу; такое стремленіе къ близости, или „хожденіе предъ Богомъ“, прямо предписывается Церковью.

№ 10. Краткословный отвѣтъ Ѣеодула—на книгу Скарги: „O rządzie i jedności kościoła Bożego“—составленъ около 1601-го г.; изслѣдованіе занимаетъ у Франка стр. 265—300. Здѣсь затронуто очень много интересныхъ вопросовъ. Напр., Франко съ успѣхомъ касается старого вопроса о томъ, кто собственно сдѣлалъ изъ Польши терпимой Польшу нетерпимую, фанатическую. Отвѣтъ, конечно, извѣстенъ,—тотъ же, который далъ и Шевченко: „А кто выненъ? Ксьонды, йезуиты“. Такъ-какъ Вышенскій въ предисловіи къ „Отвѣту“ обнаруживаетъ поворотъ отъ проповѣди голыхъ, чисто-аскетическихъ („пустынныхъ“) идеаловъ къ совѣтамъ болѣе практическимъ и предлагаетъ православнымъ для борьбы съ католицизмомъ учиться, писать, печатать книги, основывать школы, организовать братства, то Франко даетъ очень обстоятельный свѣдѣнія о значеніи и осуществлениіи всѣхъ этихъ пунктовъ въ жизни южной Руси¹⁾). Разбирая постъ-скриптумъ къ отвѣту Ѣеодула: „O чинъ прочитанія сего писанія“, Франко начертываетъ живыя картины изъ внутренней жизни южно-русскихъ братствъ. И вотъ, усладивши

¹⁾ На стр. 291—292, обращаясь какъ будто къ Руси XVII столѣтія, Франко мечтает громы, конечно, противъ современныхъ львовскихъ „рутенцевъ“.

(говорю безъ иронії)—усладивши читателя всей своей статьей, Франко подъ конецъ преподносить ему такую горькую чашу, отъ которой иному русскому филологу и любителю стариннѣйшей русской литературы (особенно у кого комплексія понѣжнѣе) грозитъ даже обморокъ. Именно: Франко сообщаетъ, что онъ нашелъ одну старую рукопись XVI вѣка, гдѣ помѣщена слѣдующая интересная статейка о пользѣ чтенія книжного: „Добро есть печатати кнїги паче всякому крестьянину, блаженіи бо, рече, испытающе свѣденіа его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ его, что бо рече испытающій свѣденіа его, явѣ рече. Егда чтеши кнїги, не цнися (очевидно Франко невѣрно прочелъ: вм. „тщи-ся“) борзо ищисти до другіа главизны“ и т. д. и т. д. (стр. 299—300). Кажется, даже не спеціалистъ можетъ замѣтить, что упомянутая „интересная статейка, подробно описываемая и излагаемая Франкомъ, есть ни что иное, какъ предисловіе къ знаменитому Изборнику Святослава 1076-го года. Полностью этотъ сборникъ изданъ, конечно недавно (Шимановскій: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“. Варш. 1887), но предисловіе его („О почитаніи кѣнижнѣемъ“) всегда помѣщалось во всѣхъ историческихъ хрестоматіяхъ русского языка; въ Австріи оно перепечатывалось Миклошичемъ, Головацкимъ и, кажется, Оголовскимъ (въ его „Хрестоматіи старо-русской“). Въ ту рукопись 16-го в., о которой говоритъ Франко, статья о „почитаніи книжнѣ“ попала, вѣроятно, не изъ самаго „Изборника 1076-го года“, а изъ какого-нибудь „Измарагда“: „Изборникъ“ далъ материалъ для многихъ „Измарагдовъ“.

№ 11. Посланіе къ старцю Домникію—стр. 301—321. Франко, пространно пополемизировши съ Игн. Житецкимъ, устанавливаетъ какъ непоколебимый фактъ, что оно писано въ Цвѣтную недѣлю 1606-го года. Дѣйствительно, нужно изумляться, какъ могъ Житецкій въ виду множества ясныхъ фактическихъ данныхъ считать „Посланіе къ Домникію“ самымъ раннимъ произведеніемъ нашего автора.—Не мѣшаетъ для нашихъ историковъ литературы обратить вниманіе на подчеркнутое Франкомъ (стр. 313) мѣсто изъ „Посланія къ Домникію“: „А латинскихъ басней ученици, зовомые казнодѣи, трудитися

въ церкви не хочуть, только комедіи строятъ и играютъ (Арх. ю.-з. Р., I. VII, 29)“⁴. Послѣдняя фраза указываетъ, что драматическое искусство (мистеріи) въ тогдашнихъ православныхъ (!) школахъ пользовались уже любовью и широкимъ распространеніемъ (кажется, это—самое раннее свидѣтельство).—Подписался Вышенскій подъ письмомъ: „странникъ реченный Вышенскій“: Франко (стр. 321) по-прежнему переводить „странникъ“ черезъ „подорожній“ хотя оно значитъ просто „монахъ“ и недоумѣваетъ, какъ понимать выраженіе „реченный“. „Реченный“ въ древне-русской рѣчи значитъ „прозванный“ и „такъ называемый“ (о *καλούμενος*), и это служить явнымъ доказательствомъ, что „Вышенскій“ есть только временное прозвище автора, а не родовая фамилія.

Побывши на родинѣ, Вышенскій особенно ясно увидѣлъ всю важность учености для борьбы съ католичествомъ, но не менѣе ясно созналъ свою собственную слабость въ этомъ отношеніи. „Какъ пособить этому раздвоенію, Вышенскій не знаетъ“, говорить Франко свойственнымъ ему живымъ, образнымъ языкомъ (стр. 315): „передъ черною глубиною, которая тутъ предстала его очамъ, духъ его остановился въ ужасѣ. Можетъ быть, это и была одна изъ причинъ его возвращенія на Аeonъ. Во всякомъ случаѣ на Аeonѣ въ его умѣ быстро наступила реакція. Въ монашеской и пустынной жизни онъ опять видѣлъ высочайшій идеалъ жизни, и послѣдняго его произведенія посвящены преимущественно защитѣ монашества: „Объ исправленіи церкви“, „Позорище мысленное“. Я бы лучше умолчалъ о „Исправленіи церкви“, а упомянулъ „Зачапку“.

№ 12. Зачапка мудраю латынника съ глупымъ русиномъ на дистанцію, а по просту глаголющи въ гаданіе или бесѣду Христофора инока Русина—стр. 322—348. Христофоръ—псевдонимъ Вышенскаго. Составлена „Зачапка“ около 1607-го года. Проф. Сумцову она очень нравилась по своей силѣ,—Франко отрицаетъ эту силу и считаетъ „Зачапку“ однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній Вышенскаго. Конечно, и Сумцовъ, и Франко основываютъ свое сужденіе на чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, и потому трудно опредѣлить, кто изъ нихъ правъ; я

впрочемъ, принимая въ соображеніе много неподражаемаго юмора въ „Зачапкѣ“ (напр., въ комическомъ изображеніи заносчиваго латынники), охотно склонялось на сторону Сумцова.— Къ обширному обсужденію Франкомъ „Зачапки“ я могу прибавить развѣ вопросъ: не составлена ли „Зачапка“ въ параллель къ какимъ-то „Вопросамъ русина съ ляхомъ“, которые „пописалъ“ Потѣй ? см. Акты, относящ. къ исторіи Зап. Россіи“, т. IV, стр, 201. Кроме того, мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Вышенскій былъ знакомъ съ „Преніемъ Панагіота съ Асимитомъ“ и что „Зачапка“ составлена не безъ вліянія „Пренія“.

№ 13. Порада о очищенію церкви, заедно же о поруганію иноческаго чина отъ сельскихъ и мирскаго житія человѣкъ, и что есть таинство иноческаго образа—стр. 349—388. Во всѣхъ трехъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ эта статья помѣщается непосредственно за „Посланіемъ ко кн. Василію Острожскому“, причемъ въ двухъ рукописяхъ прямо слита съ „Посланіемъ“ въ одно цѣлое. По моему, въ этомъ есть и хронологическое основаніе: „Порада“ могла быть окончательно обработана тогда же, когда написано „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, т. е. приблизительно въ 1598-мъ году (хотя первоначально она могла быть составлена и раньше того). Франко же, напротивъ, думаетъ, что „Порада“ относится къ 1608-му году. Для доказательства самостоятельности „Порады“, какъ отдѣльного трактата, независимаго отъ „Посланія“, онъ ссылается на то, что въ подгрецкой рукописи первыя слова „Порады“ писаны киноварью. Да! но начинаются они: „Буди же“... Для объясненія безсвязности и обрывочности начала „Порады“, Франко предлагаетъ гипотезу, что сперва „Порада“ имѣла свое особое предисловіе (стало быть союзъ „же“ указывалъ на выводъ изъ этого предисловія), но потомъ оно было потеряно. Невѣроятна эта гипотеза, потому что ни на чемъ не основана. Внѣшнее доказательство отдѣльного болѣе поздняго составленія „Порады“ Франко видить въ томъ, что въ ней упоминается князь Острожскій, какъ мертвый, а онъ умеръ въ 1608-мъ году. Да! но и дѣти его упоминаются въ „Порадѣ“, какъ мертвые, а они-то въ 1608-мъ году были

живехоньки. Кулишъ вполнѣ основательно подозрѣваетъ, что въ упоминаніи о семье Острожскихъ мы имѣемъ дѣло съ пнтерполаціей позднѣйшаго переписчика. Потомъ Франко приводить (стр. 353) замѣчаніе Вышенскаго объ отступничествѣ православныхъ: „Тыѣ на погибель отпадають; што и вы въ своей земли недавно пострадали“, и прибавляетъ: „слова эти очевидно писались послѣ 1596-го года“. Ну, да конечно послѣ 1596-го, во дѣло въ томъ, что слова „недавно“ Вышенскій не произнесъ бы въ 1608-мъ году, черезъ *дев'наадцать* лѣтъ послѣ введенія унії! такъ онъ могъ бы выразиться въ томъ же 1598-мъ году, когда писалъ и „Посланіе ко кн. Острожскому“. Далѣе Франко указываетъ въ „Порадѣ“ мѣсто, гласящее о православномъ безпоповыи, и видитъ въ этомъ доказательство для даты 1608-го года: „Слова Вышенскаго (говорить Франко, на стр. 353) ясно намекаютъ на то время, когда во всѣхъ епархіяхъ малорусскихъ, кроме Переяславской и Львовской, не было православныхъ епископовъ, такъ что православные должны были тайкомъ выписывать епископовъ изъ Молдавіи, а много приходовъ было безъ поповъ, потому-что уніаты прогоняли православныхъ поповъ, сажали въ тюрьму и даже убивали. И такое состояніе продолжалось отъ 1596-го до 1623-го года“. Признавая крайнимъ пунктомъ 1596-й годъ, Франко ничуть не опровергаетъ моего предположенія о датѣ 1598-го г., а опровергаетъ самого себя. Еще одно доказательство Франка: „Вышенскій пишетъ, что „нынѣ межи лахи князи рускіе *всѧ* поеретичѣли и христіанства, истинныя вѣры отступили“; такъ могъ писать нашъ авторъ только по смерти Острожскаго (т. е. послѣ 13 февр. 1608-го года. А. К.), по совершеніи того массового отступничества малорусского дворянства отъ православія къ унії, какое мы видимъ изъ Фриноса М. Смотрицкаго 1610-го года (стр. 354)“. Нѣть, такое сожалѣніе о *всѧхъ* князьяхъ—вполнѣ понятная гипербола. Лучшее опроверженіе Франку—упомянутый имъ Фрунос М. Смотрицкаго: онъ впервые изданъ не въ 1610-мъ году, какъ думаетъ Франко, а еще при жизни кн. Константина Острожскаго, въ 1596-мъ году (См. М. Вишневскаго: „Historya literatury polskiej“ Krakowie 1840—1857, t. VІІ, pag. 139; Я. Головацкій:

„Дополнение къ Очерку славяно-русской библіографії В. М. Ундовского“ СПБ. 1874, стр. 9, изъ XI тома „Сб. отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Н.). Франко и дальше аргументируетъ въ пользу 1608-го года: „Мы видимъ, что нѣкоторые изъ владыкъ, принявшихъ унію, уже умерли во время составленія Вышенскимъ „Порады“, потому-что онъ пишетъ: „Тыс сами, изъ вѣры выбѣгши, въ яму безвѣрія впали и отъ себе собѣ смерть зъеднали“. Это намекъ (говорить Франко) на смерть Михаила Рагозы (стр. 354). Слова Вышенского значать только, что отступники погубили свои души и пойдутъ въ адъ, и всякое другое толкованіе не мыслимо. Притомъ, при Франковскомъ пониманіи термина „смерть“ пришлось бы видѣть въ выраженіи: „отъ себѣ собѣ смерть зъеднали“ намекъ на самоубійство; а развѣ Рагоза самоубійствомъ покончилъ жизнь свою?! Слѣдующее (по счету восьмое) доказательство Франка: „Въ Порадѣ“ мы видимъ упоминаніе о языческихъ обычаяхъ въ Жидичинѣ, въ горахъ св. Спаса, въ Острогѣ, на Волыни и Подолії,—невольно возникаетъ предположеніе, что авторъ наблюдалъ ихъ во время своего недавняго, путешествія на Русь въ 1605—1606 г. (стр. 356)“. А у меня возникаетъ предположеніе, что Вышенский наблюдалъ эти языческие обычаи въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и вплоть до послѣдней минуты первого отправленія на Аeonъ! На Аeonѣ же ему могла попасться книжечка, изданная въ 1591-мъ г. львовской Ставропигіей и содержащая постановленіе православнаго собора 1590-го года противъ языческихъ суевѣрій (см. Акты, етнос. къ истр. Зап. Россіи, т. IV, стр. 30, и въ дисс. Франка стр. 375), попалась также жалоба Ставропигіи 1592-го года на еп. Гедеона Балабана, пренебрегавшаго этими постановленіемъ,—словомъ, еще до путешествія на родину Вышенский имѣль случаи вспоминать о языческихъ суевѣріяхъ. Девятое доказательство Франка: „Немаловажнымъ свидѣтельствомъ представляется мнѣ также и то, что авторъ въ „Порадѣ“ развиваетъ такой же ретроградный планъ просвѣщенія, какъ и въ „Зачапкѣ“ (стр. 356). Ничего отсюда не слѣдуетъ, потому-что до 1601-го года Вышенский держался такихъ же ретроградныхъ плановъ просвѣщенія, какіе у него воскресли послѣ 1606-го года.—

Итакъ, всѣ девять доказательствъ Франка не выдерживаютъ самой слабой критики и даже девять разъ прямо говорятъ противъ него самого. Для круглого счета прибавлю и десятое опроверженіе. Восхваляя славянскій языкъ, Вышенскій говоритъ, что ему учатся безъ грамматикъ („Акты, относ. къ ист. Южн. и Зап. Россіи“ т. II, стр. 210). Если бы онъ писалъ „Пораду“ въ 1608-мъ году, то ни за что не могъ бы написать такихъ словъ, потому что во время путешествія на родину 1605—1606 года онъ несомнѣнно познакомился съ грамматикой львовскихъ спудеевъ (1591) и Зизанія (1596); а на Аенѣ эти книги могли оставаться ему нѣсколько лѣтъ неизвѣстными. (Была еще и болѣе ранняя грамматика, 1586-го года, изданная въ Вильнѣ при типографіи Мамоничей, но эта коротенькая книжечка не имѣла большого распространенія и, вѣроятно, осталась Вышенскому неизвѣстной навсегда. См. П. И. Житецкаго: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв.“, Киевъ 1889, стр. 16).

Разбираемый трактатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей: апологіи монашества (въ видѣ разговора съ дворяниномъ-латыникомъ) и собственно „Порады“ объ очищениіи церкви: кусочекъ „Порады“ стоитъ раньше „Апології“, а кусочекъ позже, такъ что „Апологія“ какъ бы вставлена въ рамку. Въ одно ли время написаны обѣ части, и когда именно? Франко совершенно резонно догадывается, что одна часть (Апологія иноческаго чина) сначала была составлена отдельно отъ другой части (собственно Порады) и притомъ раньше ея, но не думаетъ, чтобы *гораздо* раньше. Противъ послѣдняго замѣчанія я пока что не буду спорить и займусь опредѣленіемъ даты первой части. Франко говоритъ (стр. 360): „Такъ и кажется, что защита монашества составлена была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ разговоровъ съ какимъ-то „дворяниномъ“, т. е. шляхтичемъ-католикомъ, на Руси во время пребыванія тамъ нашего автора“. А не такой ли самый діалогъ видѣли мы и *до* путешествія Вышенскаго на Русь, въ „Ізвѣщеніи о латинскихъ прелестехъ“, т. е. около 1590-го года? (см. Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 257 и др.). Какъ въ „Апологіи иноческаго чина“, такъ и въ „Ізвѣщеніи“—

мы имѣемъ передъ собою одну и ту же спорящую пару, съ однѣми и тѣми же нравственными и даже виѣшними чертами, съ одними и тѣми же приемами доказательствъ и возраженій, и только содержаніе ихъ спора не вполнѣ одно и то же: „Апология монашества“ дополняетъ собою споръ съ латынникомъ въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестяхъ“. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что Апология, т. е. одна половина разбираемаго трактата, написана въ связи съ „Извѣщеніемъ“ и немногого времени спустя послѣ него. Но когда же? Можетъ быть въ 1591-мъ году.

Обратимся теперь къ другой части трактата. Разберемъ сперва то начальное мѣсто „Порады“¹), гдѣ Вышенскій переходитъ отъ „Посланія ко кн. Василію“ (содержащаго выходки противъ Скарги) къ совѣтамъ объ очищеніи церкви отъ „прелестей еретическихъ“. Это выраженіе „прелести“, сопровождающеее притомъ короткой экскурсіей противъ „смрада латинскихъ пѣсней“, навело меня на подозрѣніе, не имѣть ли и „Порада“, подобно „Апологіи иноческаго житія“, какой-нибудь связи съ тѣмъ же „Извѣщеніемъ о латинскихъ прелестяхъ“. Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго чтенія „Порады“, не о латинствѣ намѣренъ толковать здѣсь Вышенскій: онъ имѣеть въ виду преслѣдовывать здѣсь всякія другія ереси, которая вторгнулись въ православную церковь и отъ которыхъ нужно ее очистить; эти ереси—„квасъ ноганскій“ и иконоборство (см. Акты, Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 209). Самое выраженіе „ереси“ очень интересно: мнѣ невольно вспомнился небольшой (уже разобранный) трактатъ „Еретики“²), т. е. „Другіе еретики (сверхъ латынниковъ)“, составленный около 1590—1591 года въ видѣ дополненія и приложенія къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестяхъ“. Мнѣ сразу

¹⁾ Впредь подъ названіемъ „Порада“ мы будемъ понимать не весь трактатъ, носящий у Вышенскаго такое названіе, а только ту часть, какая получается послѣ исключенія „Апологіи“ и содержащую въ себѣ собственно совѣтъ о реформѣ церкви.

²⁾ Онъ собственно носитъ заглавіе: „О еретикахъ“, но я слегка видоизмѣнилъ это заглавіе, потому-что форма именит. падежа удобнее для меня въ стилистическомъ отношеніи при склоненіи не приходится всякий разъ добавлять слово: „трактатъ“.

бросилась въ глаза аналогія между „Порадой объ очищенні церкви“ и упомянутыми „Еретиками“, и я задался вопросомъ: А какихъ собственно другихъ еретиковъ имѣлъ въ виду Вышенскій въ трактатѣ „Еретики“? Когда Франко въ своемъ мѣстѣ (стр. 149—150) разбиралъ „Еретиковъ“, онъ тамъ высказалъ замѣчаніе, что образъ этихъ еретиковъ у Вышенскаго—какой-то странный, общій и не подходитъ, напр., къ протестантамъ, бывшимъ тогда въ южной Руси. Въ такомъ случаѣ почему же Франко не спросилъ себя, не о язычествѣ ли говорить тамъ Вышенскій? Вѣдь вотъ какъ опредѣляетъ онъ ересь: „Ересъ есть нечестіемъ развращенный умъ, прелесть мнѣнія, изнеможеніе помысла, сомнѣніе о истинѣ, двоедушіе (двоевѣріе?), слѣпота мыслѣнная, конечное же невѣріе“ (см. текстъ „Еретиковъ“, изд. Игн. Житецкимъ., Кіев. Стар.“ 1890, іюнь, прилож., стр. 112). Такое опредѣленіе ереси чрезвычайно подходитъ къ языческимъ, двоевѣрнымъ суевѣріямъ и обрядамъ, противъ которыхъ духовенство малорусское конца 16-го вѣка подняло борьбу. Обличая эту „ересь“, Вышенскій дѣлаетъ ссылки въ „Еретикахъ“ только на самыхъ первыхъ учителей христіанства, на апостоловъ языковъ: Иоанна Богослова, Петра, Іуду, Павла („Кіевск. Ст., стр. 112). Такимъ образомъ уясняется тѣсная связь „Еретиковъ“ и „Порады о очищеннію церкви“, причемъ первый трактатъ содержитъ общія основанія, а второй разрабатываетъ реальные частности.

Кромѣ нападокъ на язычество, „Еретики“ содержать (во второй половинѣ) нападки и на протестанство. Я ужъ упомянуль, что Франко съ этимъ не согласенъ; но по моему, это такъ. Слова Вышенскаго: „Сіи аще бы не образъ Божій тріипостасный обносили, отъ свиній безсловесныхъ ничимъ же разнствуютъ. Где бо въ ныхъ вѣра? где церковъ? где священство? где правило? где постъ?“ и т. д.—слова эти относятся, конечно, къ протестантамъ (см. текстъ И. Житецкаго, стр. 113). „Порада“ (стр. 209) также содержитъ нападки на протестантизмъ, особенно на иконоборство. Пунктомъ объ иконоборствѣ „Порада“ прямо указываетъ на общій источникъ ея и „Еретиковъ“: этотъ источникъ—„Книжица“ Василія Суражскаго (1588). Какъ мы

знаемъ изъ заявленія самого Вышенского, „Книжица“ дала начало „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“; вполнѣ естественно думать, что она же дала начало и продолженію „Извѣщенія“—„Еретикамъ“; (см. выше, разборъ этихъ произведеній); одна глава въ этой „Книжицѣ“ посвящена вопросу объ иконоборствѣ и защитѣ иконопочитанія, т. е. направлена противъ „другихъ“ еретиковъ (сверхъ латынниковъ),—она-то и могла породить у Вышенского какъ часть „Еретиковъ“, такъ и извѣстную антииконоборческую часть „Порады“.—Эти соображенія, соединенные съ предыдущими (о язычествѣ), заставляли бы насъ назначить датою для „Порады“ приблизительно 1591-й годъ.

Но „Пораду“ можно сопоставить еще съ однимъ сочиненіемъ Вышенского, написаннымъ уже въ 1593-мъ году: „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“. Оно возникло подъ вліяніемъ жалобы, которую въ февралѣ 1592-го года послало Ставропигійское Львовское братство константинопольскому патріарху Іереміи на львовскаго епископа Гедеона Балабана, разрѣшившаго нѣкоторые языческіе обычаи. Не стоять ли во взаимной связи проповѣдь противъ языческихъ обычаевъ въ „Порадѣ“ и такая же проповѣдь въ „Писаніи до всѣхъ“? Франко-мимоходомъ (стр. 377) усматриваетъ зависимость „Порады“ отъ жалобы львовскихъ братчиковъ на Балабана, но выводовъ отсюда никакихъ не дѣлаетъ. А у насъ выводъ будетъ тотъ, что „Порада“ съ одной стороны примыкаетъ къ „Еретикамъ“ (1591¹), а съ другой стороны примыкаетъ къ „Писанію до всѣхъ обще (1593)“. Всѣ эти три произведенія относятся, очевидно, къ одному періоду, всѣ три имѣютъ въ себѣ много взаимныхъ пунктовъ, всѣ три идеями своими дополняютъ одно другое, во всѣхъ трехъ полемическія нападки еще не сосредоточены исключительно на латынствѣ, а большей частью направлены вообще на „прелести еретической“.

Дальнѣйшая литературная исторія разбираемаго нами мозаическаго трактата представляется мнѣ слѣдующимъ образомъ. Написанные въ 1591—1593 гг., „Апологія иноческаго чина“ и

¹) И даже къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“.

„Порада о очищенні церкви“ лежали нѣсколько лѣтъ у Вышенского, пока онъ не задумалъ сдѣлать изъ нихъ дополненіе и postscriptum къ „Посланію до кн. Острожскаго“ (1599). При этомъ онъ далъ имъ окончательную редакцію, добавилъ, конечно, нѣкоторыя связующія фразы и, кромѣ того, приписалъ одну или нѣсколько страницъ, гдѣ говорится о православномъ безпоповыи и о достоинствахъ славянскаго языка. Безпоповье, какъ мы ужъ упоминали, началось въ южной Руси послѣ 1596-го года; Вышенскій въ „Порадѣ“ говоритъ о немъ, какъ о событии недавнемъ, свѣжемъ. Пріемы защиты и восхваленія славянскаго языка и славянской „глупости“ въ сравненіи съ латинскимъ языкомъ и латинской мудростью („Порада“, стр. 210) позволяютъ думать, что здѣсь Вышенскій желалъ дать отповѣдь на насмѣшки Скарги, издѣлавшагося надъ славянскимъ языкомъ и православной „глупостью“ въ своей книгѣ: „O rzadziie i jednosci koſcioła Bożego“. Эту книгу Вышенскій впервые узналъ не изъ первого изданія 1577-го года и не изъ втораго—1590-го года, а только изъ „Апокрифиса“ Филалета, т. е. ужъ въ 1597-мъ году. Плодомъ чтенія „Апокрифиса“ было, мы уже знаемъ, „Посланіе ко кн. В. Острожскому“; плодомъ чтенія „Апокрифиса“ были, очевидно, и вышеуказанныя добавленія къ „Порадѣ“, послѣ чего „Посланіе“ и „Порада“ были слиты Вышенскимъ въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ однако особыхъ заглавій (какъ это было въ обычаяхъ у Вышенского). Въ такомъ видѣ, т. е. какъ одно цѣлое, мы находимъ „Посланіе“ и „Пораду“ во всѣхъ рукописяхъ; и въ собственноручномъ перечнѣ сочиненій Вышенского „Порада“ помѣщена непосредственно послѣ „Посланія ко кн. Острожскому“. Интересно, что поминовеніе Скарги въ „Посланіи ко кн. Острожскому“ „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ и выходки противъ латыниика въ „Порадѣ“ (стр. 210) чрезвычайно напоминаютъ другъ друга и тономъ, и даже одинаковыми выраженіями.— Если мы предположимъ, что „Порада“ была окончательно редактирована Вышенскимъ не въ томъ же 1598-мъ году, когда было составлено „Посланіе ко кн. Острожскому“, а немного позже, напр., въ началѣ 1599-го года, или если допустимъ, что и „Посланіе“ составлено въ 1599-мъ году, то найдемъ еще одинъ

литературный источникъ ея: письмо покровителя Вышенского патріарха Мелетія Пига, противъ иконоборства, изданное въ Острогѣ въ 1598-мъ году. Не оно ли заставило Вышенского вспомнить о давно хранившемся у него антииконокластическомъ отрывкѣ „Порады“ и взяться вновь за ея обработку?

Комментаріевъ и разъясненій Франка къ „Порадѣ“ я, по обычаю, не излагаю, а упоминаю здѣсь о ихъ существованіи только потому, что хочу сдѣлать два возраженія. На стр. 378-й читаемъ: „Интересно у Вышенского упоминаніе про „волочильне по Воскресенії“, которое, по его словамъ, соединено было „со смѣхомъ и руганіемъ діавольскимъ“, т. е. съ какими-то забавами и танцами. Теперь въ Малороссіи нѣтъ волочильного, только у бѣлоруссовъ есть „волочобныя пѣсни“ и „волочебники“, да и то не на Пасху, а на Рождество,—то, что наши колядки и колядниви“. Почему это Франко подъ „руганіемъ діавольскимъ“ понимаетъ танцы, остается для читателя неизвѣстнымъ. Но не въ томъ главная его вина, а въ томъ, что напрасно онъ поспѣшилъ изгнать изъ Малороссіи „волочилне“. Въ Малороссіи до настоящаго времени Свѣтлый понедѣльникъ называется „волочинникомъ“. Въ этотъ день крестьяне ходятъ другъ къ другу, христосуются, мѣняются писанками. Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ „волочилнє“, состоящее обыкновенно изъ пшеничного калача и нѣсколькихъ крашанокъ; обычай хожденія называется „волочиннямъ“. Въ этотъ же день парубки, при встрѣчѣ съ дѣвшками, обливаютъ ихъ водою (вотъ онъ—„смѣхъ и руганіе діавольское“!), а то дарятъ ихъ крашанками. См. объ этомъ у Чубинскаго („Труды этн.-стат. эксп. въ зап.-р. край“, т. III, стр. 24) и у Ив. Левицкаго-Нечуя („Світоглядъ українського народу“. Правда, 1876, 19; отдѣльного изданія этой книги у меня нѣтъ). Любопытно мнѣ было бы знать, откуда взялъ Франко свѣдѣніе, что въ Бѣлоруссіи „волоченіе“ совершается не на Пасху, а на Рождество.—Другое мое замѣчаніе, или возраженіе, касается стр. 387—388, гдѣ Франко говоритъ, что южно-русскія братства сложились въ генетической зависимости отъ религіозныхъ Мо-

равскихъ братствъ XV—XVI вѣка. Франко забываетъ, что церковный характеръ малорусскихъ братствъ—черта ужъ позднѣйшая, и что прежде всего это были братства ремесленно-цеховыя. Слѣдовало бы Франку познакомиться, по этому предмету, не только съ трудами Костомарова, но и съ трудами Ефименко и Флерова.

№ 14. Термина о лжи, т. е. собраніе прежнихъ сочиненій Вышенского, счетомъ десяти, сдѣланное самимъ авторомъ и снабженное предисловиемъ. Франко затрудняется на счетъ смысла слова: „Термина“, но мнѣ кажется, что смыслъ ясенъ: „термина о лжи“—„опредѣленіе относительно лжи“—„обличеніе ересей“. Впослѣдствіи Вышенскій составилъ еще другую „Термину“ и отправилъ ее на имя князя Михаила Вышневецкаго около 1615-го года, но та до насъ не дошла. На чье имя и когда онъ отправилъ первую „Термину“, решить не такъ легко. Франко хочетъ отнести ее къ 1608-му году, но его доказательства очень слабы. Точное заглавіе „Термины“ такое: „Книжка Іоана мниха вишенского от святых аeonскія горы в напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствам и всѣмъ благочестивым в Малой Россіи, в Коронѣ Польской жительствующим иноческаго чина общежителем, архимандритом и священноиноком и честнымъ монахом и іонкиням, всѣмъ сестрам нашим, и прочіимъ тщателемъ церковнымъ, благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога Отца и причастіе святого Духа буди со всѣми вами. Аминь“ („Кiev. Стар.“ 1886, апрѣль, прилож., стр. 27). Франку (стр. 390) кажется, что упоминаніе про монахинь *прямо намекаетъ* на старицу Домникію, откуда слѣдуетъ, что „Термина“ послана была Вышенскимъ послѣ его путешествія на родину, т. е. послѣ 1606-го года. Откуда Франко знаетъ, что Вышенскій не былъ знакомъ съ Домникіей раньше путешествія на Русь въ 1606-мъ году?! И гдѣ это онъ увидѣлъ въ заглавіи „Термины“ *прямое указаніе* на Домникію?! Выраженіе: „ионкинямъ“—простая, обычная формула. Въ каждомъ молитвенникѣ существуетъ „Помянникъ“, который слѣдуетъ присоединять къ повседневнымъ молитвамъ утреннимъ и вечернимъ: приведенное обращеніе Вышенского ко всему православному міру и къ ионкинямъ въ томъ числѣ—есть

ничто иное, какъ конспектъ нѣсколькихъ прошений подобнаго помяниика, или екстеніи. Второе основаніе датировать „Термину“ 1608-мъ годомъ Франко видить въ томъ фактѣ, что въ ней помѣщена „Порада о очищенію церкви“. И это основаніе приходится отбросить, потому-что „Порада“ составлена гораздо раньше. Третье основаніе у Франка (стр. 391)—слова Вышенского въ предисловіи: „За невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запустѣніе з нашою православною вѣрою“. Франко видить здѣсь намекъ на смерть кн. Острожского, послѣдовавшую въ 1608-мъ году. Но текстъ не даетъ права на такое толкованіе: фактъ введенія унії въ 1596-мъ году—вотъ на какое „запустѣніе“ могъ намекать Вышенский. Всѣ Франковскія соображенія можно будетъ пріурочить къ 1608-му году только въ томъ случаѣ, если найдется помимо нихъ какое-нибудь несомнѣнное указаніе, что именно тогда Вышенский послалъ на Русь свою „Термину“.

Не менѣе запутанъ вопросъ о порядкѣ въ перечнѣ сочиненій Вышенского, помѣщенному въ предисловіи къ „Терминѣ“. Франко находитъ, что перечень этотъ—совершенно произвольный, случайный, отнюдь не хронологическій. По моему, это не совсѣмъ такъ. Судя по порядку статей, можно думать, что Вышенский послалъ „Термину“ на имя князя К. Острожского (какъ впослѣдствіи вторую Термину на имя князя М. Вишневецкаго) и систематизировалъ ее примѣнительно къ князю Острожскому. „Обличеніе на діавола“, написанное, конечно, попозже другихъ произведеній, Вышенскій помѣстилъ въ самомъ началѣ сборника въ видѣ предисловія (это соображеніе выставляетъ и Франко). Послѣ этого предисловія слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, какъ къ адресату всего сборника. Слѣдующее затѣмъ произведеніе: „Порада“—приложеніе къ „Посланію ко кн. Острожскому“. Даѣте, до конца, мы усмотрѣли бы во всемъ перечнѣ правильную послѣдовательность хронологическую, если бы „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ съ его постѣ-скриптами стояло на надлежащемъ мѣстѣ. Быть можетъ, Вышенскій поставилъ его на шестомъ мѣстѣ, а не на четвертомъ (какъ слѣдовало бы), по той причинѣ, что посланія №№ 4—5 были, по его мнѣнію, важнѣе содержаніемъ, чѣмъ „Извѣ-

щеніе о латинскихъ прелестехъ“, а „Ізвѣщеніе“, по его мнѣнію, было удобнымъ доктринальскимъ дополненіемъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ я не скрываю отъ себя, что и мое объясненіе порядка сочиненій „Термины“ имѣетъ характеръ вѣроятности, а не достовѣрности.

Въ какомъ же году, однако, была отправлена „Термина“ на Русь? Разбирая „Новину“, „Слѣдъ“ и „Обличеніе“, я показалъ, что они могли быть написаны или около 1598-го года, или около 1607-го года. Если вѣрна первая половина дилеммы, то есть основаніе предположить, что Вышенскій послалъ „Термину“ на родину между 1601—1605-мъ годами: ничего нового въ этотъ промежутокъ онъ не составлялъ, откуда и возникаетъ подозрѣніе, что въ это время онъ былъ занятъ редактированіемъ и перепиской прежнихъ своихъ сочиненій; переписавши все, Вышенскій, по моей догадкѣ, послалъ „Термину“ на руки князя Острожскаго, который могъ бы дать ему защиту противъ людей, грозившихъ проповѣднику смертью въ случаѣ его прихода на Русь. Если же вѣрна вторая половина дилеммы (касательно 1607-го года), то переписку приходится предположить между 1606-мъ годомъ и февралемъ 1608-го (до смерти кн. Острожскаго).

№ 15. Посланіе Іову Княгиницкому (стр. 398—403)—составлено Вышенскимъ послѣ 1607-го года и отнесено Франкомъ къ 1610-му г. По моему, дату можно подвинуть впередъ даже подальше. Вышенскій пишетъ, что онъ ужъ собрался было идти на Русь опять, какъ вдругъ его остановили нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства;—не вѣрится, чтобы въ трудное и далекое путешествіе онъ могъ собираться вскорѣ послѣ возвращенія изъ первого. Но, конечно, точныхъ доказательствъ для этой догадки найти пока что нельзя. Что же касается того соображенія, которое приводитъ Франко, то оно мнѣ представляется слабымъ, не доказаннымъ, хотя съ тенденціею его я вполнѣ согласенъ. Въ письмѣ Вышенскаго къ Іову (Арх. Ю.-З. Р., 1, VII, 36) встрѣчается такая фраза: „Отънелиже придохъ, не точю на келии, но и на пещеры двѣ погловъщизны дукатовъ влѣзлъ, также и на святую гору, отъ ней же бѣ товаръ одинъ прежде соборнаго гарачу, нынѣ же и до четырехъ влѣзло“. По мнѣнію

Франка (стр. 399), такое значительное увеличение подати врядъ ли возможно было въ одинъ годъ и безъ длинныхъ и упрямыхъ переговоровъ. Съ чего это предположилъ Франко такую деликатность у турокъ, которая мѣшала бы имъ возвысить подать сразу и заставляла бы предварительно вести тонкую, церемонную дипломатію съ подчиненными гяурами?! А если Франко такъ вѣрить въ турецкую дипломатію, „якъ турчынъ у мисацъ“, то что мѣшаетъ ему предположить, что переговоры начались за десять-пятнадцать лѣтъ до нутешествія Іоанна на родину?!—Имя Іова Франко передѣлывается въ странную форму: „Йовъ“ (односложную). И великороссы, и малоруссы произносятъ „І“ въ этомъ имени за отдѣльный слогъ, не обращая его въ йоту, да и по еврейски это слово — двусложное. Такая форма, въ какой является это имя у Франка, годится развѣ для наименованія главнаго латинскаго бога (Juppiter, Jovis).

Противъ главы 17-й и 18-й (стр. 404—416), гдѣ Франко разбираетъ „Пославіе до братства Ставропигійскаго“, „Позорище мысленное“ и „Письмо къ кн. М. Вишневецкому“, ничего не могу возразить. Равнымъ образомъ ничего, кроме похвалъ, не могу сказать объ „Указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, названій мѣстностей и заглавій книгъ“, упоминаемыхъ въ диссертациі (стр. 499—534), и потому считаю свой разборъ 2-й части и вмѣстѣ съ тѣмъ всей каиги—оконченнымъ.

Я ужъ упомянулъ, что при своёмъ разборѣ „Ивана Вышеского“ Франка я поставилъ себѣ специальной цѣлью — атаковать слабые пункты диссертациі. Не удивительно поэтому, что мой разборъ превратился не во всестороннюю одѣнку (которая, конечно, была бы чрезвычайно благопріятна для Франка), а въ одностороннее обвиненіе. Однако, и при такой постановкѣ дѣла читатель, надѣюсь, увидѣлъ, что Франку нельзя отказать ни въ блестящемъ талантѣ, ни въ эрудиціи. Бѣда только, что талантъ его не вполнѣ уберегся отъ вліянія „галицкаго“ на-

строенія науки, которое требуетъ гипотезъ пограндіознѣе, по-невѣроятнѣе (яркій образецъ такого отважнаго настроенія— Омелянъ Партыцкій). Что же касается эрудиціи Франка, то ея недостатокъ въ томъ, что она больше польско-нѣмецкая, чѣмъ русская. Историкъ южно-русской литературы долженъ, подобно напімъ малороссамъ, чувствовать себя въ общерусской наукѣ вполнѣ дома, и тогда будутъ немыслимы такие промахи, какъ возвведеніе Максима Грека въ санъ московскаго архіепископа и открытие въ 1895-мъ году „Изборника Святослава“, который извѣстенъ намъ чуть ли не сто лѣтъ. Будемъ разсчитывать, что при второмъ изданіи диссертациі, которое авторъ обѣщаеть, подобныхъ промаховъ не будетъ, и что мы будемъ имѣть о Вышенскомъ такую прекрасную монографію, какой еще не удостоился ни одинъ изъ старинныхъ южно-русскихъ литераторовъ. Такія надежды возлагать на Франка мы вправѣ. Если справедливо извѣстіе, сообщенное газетами, что Франко назначенъ профессоромъ львовскаго университета на мѣсто покойнаго Огоновскаго, то историкамъ южно-русской литературы остается только порадоваться.

Остается сказать о вѣшней сторонѣ труда: языкѣ.

Въ послѣдніхъ годахъ предыдущаго десятилѣтія малорусскій языкъ у Франка былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь. Шорча языка сказывается, пожалуй, не въ области лексики; правда, встречаются слова вродѣ „намѣтности“ (стр. 486), „восклыкъ“ (стр. 473), но ихъ и немного, и они составляютъ полбѣды. Гораздо хуже то, что *сintаксисъ* у Франка совсѣмъ не малороссійский, а искусственный, и при томъ приближается не столько къ литературному русскому (тоже искусственному, но все таки наиболѣе близкому къ народному малорусскому синтаксису), сколько къ польскому и нѣмецкому (которые совершенно не годятся для малорусского языка). Если Достоевскій и гр. Толстой жалуются на искусственность литературного (прекрасно обработанного!)

русскоаг языка и требуетъ водворенія народнаго синтаксиса, то во сколько же разъ обязательнѣе то же требованіе для писателя малорусскаго, который не обязанъ держаться старинныхъ историческихъ традицій и смѣеть прямо черпать изъ сокровищницы народной!... Изъ отдѣльныхъ случаевъ неправильной фразеологии у Франка я отмѣчу только одно выраженіе, доходящее до курьеза: „Идучи въ задѣ видѣ сеи даты“ (стр. 427).

Когда моя статья была ужъ написана, я получилъ изъ Львова обрывки какой-то книжки,—судя по всему, это кусокъ изъ послѣдняго тома „Записокъ научового товарыства имени Шевченка“. Обрывки эти содержатъ конецъ рецензіи Верхратскаго на Словарь Срезневскаго и начало рецензіи на диссертацию Франка (стр. 29—40). Конца рецензіи нѣтъ, а потому нѣтъ и подписи, но изъ контекста ясно, что ее писалъ др. Кирило Студинскій. На стр. 35-й, при рецензированіи „Извѣщенія о латинскихъ прелестехъ“, Студинскій такъ же, какъ и я, возражаетъ Франку, что папу антихристомъ называли и до Вышенскаго. То, чего я не могъ вспомнить, вспоминаетъ именно этотъ Студинскій: еще Мотовило, въ своемъ отвѣтѣ на „Jedność“ Скарги, честилъ папу титуломъ антихриста (П. Устриловъ: „Сказанія князя Курбскаго“, 1868, стр. 249).

Мнѣ прислано 12 страницъ рецензіи Студинскаго, а всего она занимаетъ, быть можетъ, страницъ двадцать: по этому вполнѣ правильно оцѣнить ее нельзя. Общее впечатлѣніе однако говоритъ скорѣе противъ нея, чѣмъ за нее. Нельзя, конечно, не признать за г. Студинскимъ извѣстной начитанности по южнорусской литературѣ; тѣ нѣсколько примѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ къ нѣкоторымъ главамъ Франковской диссертациіи (обыкновенно онъ ограничивается простымъ пересказомъ ея) имѣть свою цѣну; но въ своихъ похвалахъ г. Студинскій несносенъ. Что и говорить! диссертациія Франка заслуживаетъ похвалъ и очень большихъ: но Студинскій очень не критиченъ, очень легковѣренъ и хвалитъ какъ разъ тѣ мѣста диссертациіи, которыя слабѣе прочихъ. Выскажетъ Франко вакую-нибудь невѣроят-

нѣйшую гипотезу, а Студинскій заявляетъ: „та гадка здається мени дуже удачною“. Гипотезу путешествія Вышенского на Аeonъ черезъ Венгрию и Охриду Студинскій называетъ „дуже быстроумною“. И тутъ сказалось то „галицкое“ настроение научной мысли, какимъ озnamеновалъ себя проф. Партицкій!

А. Крымскій.

